

A movie poster for the film 'The Dead Library'. The central image shows a woman with a red and white braided bracelet holding a young girl with a braid from behind. They are in space, with Earth's horizon and a bright light source in the background. A large, transparent sphere is visible in the upper part of the frame. The text 'ЭДУАРД СЕРОУСОВ' is at the top, and 'БИБЛИОТЕКА МЁРТВЫХ' is at the bottom.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

БИБЛИОТЕКА
МЁРТВЫХ

Эдуард Сероусов
Библиотека мёртвых

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Библиотека мёртвых / Э. Сероусов — «Автор», 2026

2147 год. Человечество победило старение, но не смерть. Когда семилетняя Мира умирает на руках матери, её последние слова звучат на языке, которого не существует — и открывают контакт с разумом, обитающим в самой структуре реальности. «Те, Кто Слушает» предлагают сделку: 144 миллиона добровольных смертей за технологию воскрешения. Но у бессмертия есть цена, о которой не говорят. Д-р Лена Вороновская — единственный человек, способный переводить слова пришельцев. Пять лет она строит программу, которую считает преступлением. Потому что в Библиотеке мёртвых её ждёт дочь. Роман о границах любви, свободе выбора и цене, которую мы готовы заплатить за тех, кого невозможно отпустить. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть Первая: «Первое слово»	5
Глава 1: Тишина	5
Интерлюдия 1: Космонавт	20
Глава 2: Шум	26
Глава 3: Сделка	38
Глава 4: Первые	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдуард Сероусов

Библиотека мёртвых

Часть Первая: «Первое слово»

Глава 1: Тишина

Московский институт сознания, 2147 год

Аппараты не лгут.

Лена Вороновская знала это лучше других – двадцать три года нейрофизики приучили её доверять данным больше, чем интуиции. Но сейчас, глядя на экран монитора, где зелёная линия пульса всё ещё выписывала неровные зубцы, она хотела, чтобы аппараты солгали. Хоть раз.

Палата интенсивной терапии детского отделения пахла озоном и синтетической лавандой – стандартный аромакомплекс для снижения тревожности. Не работал. На Лене – точно не работал. Она сидела на краю кровати, держа в ладонях руку дочери: тонкую, почти прозрачную, с синеватой сеткой вен под кожей. Рука была тёплой. Это почему-то казалось самым важным – что рука ещё тёплая.

– Мама.

Голос Миры – тихий, с хрипотцой от трубок, которые убрали только вчера. Семь лет. Она прожила семь лет, и большую часть последнего года – в этой палате, под капельницами, под сканерами, под взглядами врачей, которые всё реже улыбались.

– Я здесь, зайка.

Лена наклонилась ближе. Дочь смотрела на неё – глаза слишком большие на исхудавшем лице, радужка того редкого серо-зелёного оттенка, который она унаследовала от отца. Отца, который умер три года назад. Авария на орбитальном лифте. Лена не успела попрощаться – была на конференции в Сингапуре. Теперь она боялась выйти даже в коридор.

– Ты устала, – сказала Мира. Не вопрос – констатация.

Лена попыталась улыбнуться. Мышцы лица не слушались; улыбка вышла кривой, почти гримасой.

– Немного.

– Ты всегда говоришь «немного». – Мира слабо сжала её пальцы. – Даже когда много.

Тридцать шесть часов без сна. Может, сорок – Лена перестала считать после того, как утром онколог произнёс слова, которых она ждала и боялась услышать последние три недели. «Мы сделали всё возможное. Метастазы в стволе мозга. Терминальная стадия. Часы или дни».

Часы.

Она не сказала Мире. Не смогла. Да и зачем? Девочка знала. Дети всегда знают – они чувствуют смерть раньше, чем взрослые успевают подобрать слова.

– Мама.

– Да?

– Я хочу тебе кое-что сказать.

Лена замерла. Сердце – её собственное, взрослое, изношенное – пропустило удар. Она видела это слишком много раз в своей практике: момент, когда умирающий собирает послед-

ние силы, чтобы произнести что-то важное. Предсмертная ясность. Нейрохимия агонии – выброс эндорфинов, последний всплеск активности коры.

Она ненавидела себя за то, что думает об этом в терминах нейрохимии. И не могла остановиться.

– Я слушаю, зайка. Я всегда слушаю.

Мира смотрела на неё – и Лене вдруг показалось, что взгляд дочери изменился. Стал глубже. Старше. Словно за этими серо-зелёными глазами скрывалось что-то, чему не место в семилетнем ребёнке.

– Я слышу их, – сказала Мира. – Уже давно. Но раньше – тихо. Как шум. А теперь громче. Они ждут.

Лена почувствовала, как холод поднимается по позвоночнику. Галлюцинации? Метастазы в стволе мозга могли вызывать всё что угодно: зрительные образы, слуховые феномены, деперсонализацию. Она сама писала об этом – статья в «Consciousness and Cognition», двенадцать лет назад.

– Кто ждёт, Мира?

Девочка не ответила. Её взгляд скользнул к окну – за ним темнело московское небо, исчерченное огнями аэротакси, мерцающее рекламными голограммами. Январь. Снег шёл уже третьи сутки.

– Они живут там, где тихо, – сказала Мира. – Совсем-совсем тихо. Но когда кто-то... – она запнулась, подбирая слово, – ...кричит, они слышат. Каждый крик. Они собирают.

– Собирают что?

– Нас.

Монитор пискнул – частота сердечных сокращений упала до пятидесяти двух. Лена бросила взгляд на экран, автоматически отмечая показатели: давление снижается, сатурация кислорода – восемьдесят девять процентов. Организм начинал сдаваться.

– Мира...

– Мама. – Голос дочери стал громче, настойчивее. – Не бойся. Я буду ждать. Я обещаю. Я буду ждать тебя.

– Мира, ты никуда не уходишь. Слышишь меня? – Лена сжала её руку крепче, словно могла удержать физически. – Ты остаёшься. Мы справимся.

Ложь. Они обе знали, что это ложь.

На прикроватной тумбочке лежал планшет с открытым файлом – последние результаты сканирования. Лена сама запросила доступ, потому что не доверяла больше никому. Опухоль на снимках выглядела как спрут: чёрное пятно с десятками щупалец, пронизывающих здоровую ткань. Нейробластома четвёртой стадии. Редкий штамм – агрессивный, не реагирующий на стандартные протоколы.

Они пробовали всё: генную терапию, наноботов, экспериментальные ингибиторы ангиогенеза. Лена использовала все свои связи, все ресурсы института. Ничего не помогло. Рак оказался умнее.

– Мама.

Лена вздрогнула. Она не заметила, как её веки начали слипаться.

– Я хочу, чтобы ты знала. – Мира смотрела на неё с той пронзительной серьёзностью, какая бывает только у детей. – Ты хорошая мама. Самая лучшая. Даже когда тебя не было – ты была хороша.

Слова ударили сильнее, чем Лена ожидала. Два часа. Два проклятых часа. Когда Мире поставили диагноз, Лена была в лаборатории, поглощённая очередным экспериментом по картированию нейронных коррелятов сознания. Она не ответила на первый звонок – была в стерильной зоне. Не ответила на второй – писала отчёт. На третий звонок ответил её ассистент.

Два часа Мира плакала одна.

Лена не могла простить себе эти два часа. Никогда не сможет.
– Я должна была быть рядом, – прошептала она. – С самого начала. Я...
– Ты была занята важным.
– Нет. – Голос сорвался. – Ничего важнее тебя нет. Ничего. Ты слышишь?
Мира улыбнулась. Слабо, одним уголком губ, но улыбнулась.
– Я слышу.
И потом – тише, почти неразличимо:
– Они тоже.

Следующие три часа прошли в молчании.

Лена не отпускала руку дочери. Не вставала, не уходила, не отвлекалась на сообщения, которые беззвучно накапливались на её нейроинтерфейсе. Сорок семь непрочитанных. Пятьдесят три. Шестьдесят один. Коллеги, студенты, администрация института – все хотели чего-то, и никто не знал, что она здесь, в палате, смотрит, как её ребёнок умирает.

Мира засыпала и просыпалась. В периоды бодрствования она почти не говорила – только смотрела на Лену и иногда сжимала её пальцы. В периоды сна её лицо подёргивалось, губы шевелились беззвучно, глаза под закрытыми веками двигались. REM-фаза. Мозг ещё работал, ещё цеплялся за жизнь.

Или – прощался с ней.

Около полуночи Лена услышала шаги в коридоре. Дверь тихо открылась. Вошла медсестра – Таня, молодая, новенькая, всего третий месяц в отделении. Лена запомнила её после того, как Таня однажды сидела с Мирой три часа, читая вслух старые сказки.

– Доктор Вороновская. – Голос Тани был осторожным. – Вам бы отдохнуть. Я могу...
– Нет.
– Хотя бы кофе...
– Нет. Спасибо.

Таня помедлила. Потом подошла к медицинскому посту у двери, проверила показатели, что-то отметила на планшете. Лена видела, как девушка бросает на неё взгляды – быстрые, украдкой. Сочувствие. Лена ненавидела сочувствие.

– Она говорила сегодня, – сказала Таня негромко. – Что-то странное. Про голоса.

Лена подняла голову.

– Что именно?

– Я не всё расслышала. Что-то про... тишину. И про то, что её зовут.

Холодок снова прошёлся по спине. Лена машинально потёрла левое запястье – там был браслет, плетёный из красных и белых нитей. Мира сделала его сама, в больничной мастерской, три месяца назад. «Чтобы ты не забывала», – сказала она тогда.

Лена надела его и с тех пор не снимала.

– Это галлюцинации, – сказала она, скорее себе, чем Тане. – Метастазы в стволе мозга. Классическая картина.

– Конечно. – Таня кивнула. – Я просто... подумала, вы захотите знать.

Она ушла. Дверь закрылась бесшумно – автоматика.

Лена снова посмотрела на дочь. Мира спала, дыхание было поверхностным, частым. На мониторе – всё те же цифры: пульс, давление, кислород. Всё медленно ползло вниз.

Она потянулась к планшету. Открыла медицинскую карту, пролистала до последнего МРТ-сканирования. Изображение развернулось голограммой над экраном: мозг дочери в разрезе, псевдоцветная карта активности, тёмные пятна метастазов.

Лена увеличила область ствола. Там, где располагались ядра, отвечающие за дыхание, сердцебиение, базовые рефлексy – чёрные щупальца опухоли оплетали здоровую ткань. Несовместимо с жизнью. Вопрос времени.

Она знала это. Она смотрела на эти снимки каждый день последние три недели. Но каждый раз что-то внутри надеялось увидеть другую картину. Ошибку аппаратуры. Чудо.

Чудес не бывает.

Лена закрыла голограмму. Положила планшет обратно. Посмотрела на окно.

За стеклом – снег. Крупные хлопья, медленные, почти неподвижные. Свет уличных фонарей – оранжевый, тёплый – пробивался сквозь белую пелену. Город жил своей жизнью: аэротакси проносились на разных высотах, рекламные дроны мигали цветными огнями, где-то далеко гудел сирена – скорая или пожарные.

Мир продолжался.

Лена не могла понять, как это возможно. Как люди там, снаружи, могут есть, спать, смеяться, когда здесь, в этой палате, её дочь умирает? Это казалось неправильным. Несправедливым. Вселенная должна была остановиться – хотя бы на минуту, хотя бы в знак уважения.

Но вселенная не останавливалась. Никогда.

В три часа ночи Мира проснулась.

Лена почувствовала это раньше, чем увидела – движение пальцев, лёгкое сжатие. Она открыла глаза (когда успела закрыть? Когда провалилась в дрему?), моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Мама.

Голос Мира был другим. Не слабым, не хриплым – ясным, чистым, как будто болезнь отступила. Лена выпрямилась, почувствовала, как что-то холодное проползло по позвоночнику.

– Я здесь, зайка. Что случилось?

Мира смотрела на неё. Глаза – те же, серо-зелёные, отцовские. Но за ними было что-то новое. Что-то, чего Лена раньше не видела. Глубина? Дистанция? Как будто Мира смотрела на неё с очень далёкого расстояния.

– Я хочу, чтобы ты надела мой браслет, – сказала девочка.

Лена нахмурилась, не сразу поняв.

– Твой... Какой браслет?

Мира подняла левую руку – ту, которую Лена не держала. На запястье – плетённый браслет, близнец того, что был на Лене. Красные и белые нити, простой узор.

– Я сделала два, – сказала Мира. – Один тебе. Один мне. Надень мой. Пожалуйста.

Лена осторожно взяла её руку. Пальцы были прохладными – не холодными ещё, но уже не тёплыми. Она аккуратно сняла браслет с запястья дочери. Маленький, детский, едва держался на взрослой руке.

– Надень. – Голос Мира был настойчивым. – На то же место.

Лена послушалась. Надела браслет поверх своего – теперь на левом запястье было два: красно-белый поверх красно-белого. Странное ощущение. Как оковы.

– Обещай, что не снимешь.

– Обещаю.

– Обещай, что найдёшь меня. – Мира сжала её пальцы – удивительно сильно для умирающего ребёнка. – Даже если я буду далеко. Даже если буду другая. Ты найдёшь?

Лена почувствовала, как слёзы текут по щекам. Она не заметила, когда начала плакать.

– Найду. Клянусь.

Мира улыбнулась. Улыбка была взрослой, понимающей, полной странного покоя.

– Я буду ждать, – сказала она. – Там, где тихо. Я буду громкой – чтобы ты услышала.
Лена открыла рот, чтобы сказать что-то – что именно, она не знала. Слова застряли в горле.

Мира закрыла глаза.

Монитор пискнул.

Следующие тридцать семь минут Лена запомнила фрагментами, как битое стекло: острые осколки, между которыми – пустота.

Падение пульса: пятьдесят два, сорок восемь, сорок один.

Крик – свой собственный. Или кого-то другого. Она не была уверена.

Медсёстры, врачи – силуэты в белом и бирюзовом, руки в перчатках, голоса, отдающие команды.

Дефибрилятор – хотя какой смысл, какой смысл, опухоль в стволе мозга, ничего не поможет.

Лицо Миры – бледное, спокойное, почти светящееся.

И потом – тишина.

Линия на мониторе превратилась в прямую. Звуковой сигнал – высокий, монотонный, бесконечный.

Кто-то выключил его. Кто-то положил руку Лене на плечо. Кто-то произнёс: «Мне очень жаль, доктор Вороновская».

Лена не слышала.

Она смотрела на дочь. На её закрытые глаза, на неподвижную грудь, на руки – сложенные на животе, маленькие, белые.

Всё.

Вот так – просто всё. Тридцать семь минут назад Мира была жива, говорила, держала её за руку. Теперь – тело. Оболочка. Мясо и кости, которые начнут остывать через несколько часов.

Лена знала физиологию смерти лучше большинства. Она знала, что сейчас, в первые минуты после остановки сердца, нейроны мозга ещё сохраняют некоторую активность. Агональный всплеск – последняя волна электрохимических сигналов, прокатывающаяся по умирающей коре. Некоторые исследователи считали, что именно он порождает околосмертный опыт: туннель света, чувство отделения от тела, встречу с умершими близкими.

Она должна была записать данные. Аппаратура вокруг Миры – стандартная для интенсивной терапии, но к ней была подключена экспериментальная система мониторинга: двадцать четыре электрода ЭЭГ, магнитоэнцефалограф, датчики квантовой когерентности. Институтское оборудование – Лена сама настояла на его установке, надеясь, что сможет отслеживать состояние сознания дочери в реальном времени.

Теперь аппаратура фиксировала смерть.

Лена не отрываясь смотрела на экран, где медленно затухали последние всплески активности. Затылочная кора – угасла. Лобные доли – угасли. Таламус...

Она замерла.

На экране, там, где должна была быть ровная линия затухания, появилось что-то странное. Всплеск активности – но не хаотичный, не агональный. Структурированный. Повторяющийся. Как будто...

– Что это? – услышала она собственный голос.

Врач рядом – Лена не помнила его имени, молодой, с усталым лицом – повернулся к экрану.

– Артефакт, наверное. Иногда аппаратура барахлит при...

– Это не артефакт.

Лена встала. Ноги не слушались, но она заставила себя подойти к главному монитору. Пальцы – дрожащие, неповинующиеся – развернули детальную карту активности.

То, что она увидела, не имело смысла.

Волна. Одна за другой. Не из мозга – мозг был мёртв. Но аппаратура продолжала фиксировать сигнал. Источник... источника не было. Сигнал приходил ниоткуда – или отовсюду сразу.

– Доктор Вороновская... – начал врач.

– Тихо.

Лена вызвала спектральный анализ. Потом – Фурье-преобразование. Потом – фрактальную развёртку. С каждым слоем анализа картина становилась яснее. И страннее.

Сигнал не был случайным. Он имел структуру. Повторяющиеся паттерны на разных частотах, вложенные друг в друга, как матрёшки. Математическая регулярность – такую не генерирует умирающий мозг. Такую не генерирует ничто биологическое.

И потом Мира открыла глаза.

Лена отшатнулась так резко, что ударилась спиной о стену. Боль – острая, реальная – пронзила лопатку, но она едва заметила.

На койке Мира – тело Мира – лежала с открытыми глазами. Глазами, которые смотрели на Лену. Глазами, в которых не было ничего от её дочери.

Зрачки расширились, заполнив почти всю радужку. Серо-зелёный цвет исчез – осталась чернота, абсолютная, космическая. Губы шевельнулись.

И Мира заговорила.

Только это была не Мира.

Голос – низкий, многослойный, как будто несколько голосов звучали одновременно, накладываясь друг на друга:

– **Мы слышим.**

Лена не могла двигаться. Не могла дышать. Мир вокруг сузился до этого момента: койка, тело дочери, чёрные глаза, голос из ниоткуда.

– **Мы ждали.**

Врач – Лена услышала, как он отступил к двери, бормоча что-то о реанимационном протоколе. Медсестра – Таня? Кто-то другой? – вскрикнула. Кто-то уронил планшет.

Лена стояла, не в силах отвести взгляд.

– **Это первое слово. Мы слышим. Мы отвечаем.**

Голос был неправильным. Не человеческим. Обертонны выходили за пределы голосового диапазона – Лена слышала это не ушами, а чем-то другим, чем-то глубже.

И потом – потом произошло невозможное.

Лена увидела голос.

Не как метафору. Не как синестетический образ. Буквально увидела: серебряные нити, тонкие, сверкающие, выющиеся в воздухе над телом Мира. Они поднимались вверх, расходились в стороны, пронизывали стены, потолок, уходили куда-то – за пределы видимого, за пределы понимаемого.

Красиво, – подумала Лена, и эта мысль испугала её больше всего. Как она может думать о красоте сейчас? Как...

Нити вспыхнули – ослепительно, на долю секунды. Лена зажмурилась.

Когда она открыла глаза, Мира лежала неподвижно. Глаза закрыты. Тело расслаблено. На мониторе – ровная линия, никакой активности.

Мертва.

По-настоящему мертва.

Лена стояла, опираясь на стену, и пыталась вспомнить, как дышать. Грудь горела – она задержала дыхание и не заметила. Сердце билось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

– Что это было? – голос врача – дрожащий, испуганный. – Доктор Вороновская, что это, чёрт возьми, было?

Лена не ответила.

Она смотрела на экран аппаратуры. Туда, где сигнал – тот самый, структурированный, невозможный – продолжал записываться. Данные накапливались в памяти системы. Терабайты информации за несколько секунд.

Это не артефакт.

Это не галлюцинация.

Это реально.

Она подошла к аппаратуре. Руки тряслись так сильно, что она едва попадала по сенсорным панелям. Открыла лог записи. Прокрутила до момента, когда глаза Миры открылись.

Там, на экране, – всплеск. Не похожий ни на что, что Лена видела за двадцать три года работы. Не электрическая активность мозга. Не артефакт внешних помех. Что-то... другое.

Квантовый сигнал.

Мысль пришла ниоткуда – или из какой-то части её разума, которую она не контролировала. Квантовый сигнал из умирающего мозга. Структурированный. Направленный. Как будто...

Как будто кто-то передавал сообщение.

«Мы слышим. Мы ждали. Это первое слово.»

Следующий час Лена провела в палате, одна.

Тело Миры увезли. Кто-то – главврач? Администратор? – пытался говорить с ней, задавал вопросы, но Лена не слышала. Она отключила нейроинтерфейс. Заблокировала дверь. Села за аппаратуру и начала анализ.

Данные были на экране. Реальные, записанные, неопровержимые.

Сигнал начался за одиннадцать секунд до клинической смерти. Усилился в момент остановки сердца. Достиг пика через четырнадцать секунд после – именно тогда, когда Мира открыла глаза и заговорила. Затух через семь секунд.

Всего тридцать два секунды активности.

Но какой активности.

Лена развернула спектральный анализ на полный экран. Перед ней – не хаос, не шум. Паттерны. Слои паттернов. Фрактальные структуры, самоподобные на разных масштабах. Гармоники, складывающиеся в последовательности. Последовательности, образующие... что?

Язык?

Мысль была абсурдной. Невозможной. И всё же...

Лена открыла модуль лингвистического анализа – программу, которую они разрабатывали в лаборатории для декодирования нейронных паттернов мышления. Загрузила данные. Запустила обработку.

Результат появился через сорок три секунды.

На экране – таблица. Слева – фрагменты сигнала. Справа – маркеры. Система нашла структурные единицы: повторяющиеся элементы, комбинирующиеся по правилам. Не случайность. Не шум.

Грамматика.

Лена откинулась на спинку кресла. Глаза горели – от усталости, от слёз, которые она не замечала, пока они не начали капать на руки. Она посмотрела на браслеты – два красно-белых кольца на левом запястье.

Мира обещала ждать.

«Там, где тихо».

Лена вспомнила серебряные нити – как они вились в воздухе, как пронизывали пространство, как исчезли в никуда.

Галлюцинация?

Она снова открыла данные. Пролистала до секунды, когда увидела нити. Посмотрела на показания.

Квантовые датчики – экспериментальные, часть её собственного проекта – зафиксировали аномалию. Локальное нарушение когерентности. Что-то произошло на субатомном уровне, что-то, что не вписывалось ни в одну известную модель.

Не галлюцинация.

Что-то реальное.

Лена закрыла глаза. Попыталась сложить вместе всё, что произошло: слова Миры про «тех, кто слушает», про тишину, про ожидание. Голос – чужой, многослойный. Слова: «Мы слышим. Мы ждали. Первое слово.»

И сигнал.

Структурированный сигнал из мёртвого мозга.

Она не верила в бога. Не верила в загробную жизнь. Двадцать три года нейрофизики – десятки экспериментов, сотни публикаций, тысячи часов наблюдений за умирающими пациентами. Она знала, что такое смерть. Знала, что за ней – ничего.

И всё же.

Лена открыла глаза. Посмотрела на экран, на паттерны сигнала, на грамматические структуры, которые выделила программа.

Это было невозможно.

И это было реально.

Кто-то – или что-то – говорило через её умирающую дочь. Кто-то – или что-то – передавало сообщение. И Мира... Мира была «первым словом».

Лена потянулась к браслету на запястье. Погладила нити – красные, белые. Закрыла глаза, представила лицо дочери. Не то – застывшее, мёртвое. Другое. Живое. Улыбающееся.

– Я найду тебя, – прошептала она. – Я обещала.

К рассвету Лена закончила первичный анализ.

Результаты лежали перед ней – двадцать семь страниц текста, сто четырнадцать графиков, три терабайта необработанных данных. Она не спала тридцать... сколько? Пятьдесят часов? Шестьдесят? Тело отказывалось функционировать: руки тряслись, зрение плыло, мысли спотыкались друг о друга.

Но мозг – её собственный, живой, работающий – отказывался останавливаться.

Потому что то, что она нашла, меняло всё.

Сигнал не был случайным. Это Лена установила ещё час назад. Но теперь она понимала больше.

Сигнал имел структуру языка. Не человеческого – слишком много измерений, слишком высокая плотность информации. Но языка: система символов, правила комбинирования, уровни вложенности. Кто-то – или что-то – разговаривал.

И слова Миры – «мы слышим, мы ждали» – были частью этой структуры. Не галлюцинация. Не бред умирающего мозга. Перевод. Грубый, неполный, пропущенный через ограниченные возможности детского голоса – но перевод.

Лена смотрела на экран, и реальность вокруг неё рассыпалась и складывалась заново.

Двадцать три года она изучала сознание. Искала его нейронные корреляты, пыталась понять, как субъективный опыт возникает из объективных процессов. Тяжёлая проблема сознания – так это называлось в философии. Почему вообще есть «каково это» – быть кем-то? Почему не просто обработка информации, почему ещё и переживание?

Теория интегрированной информации. Orchestrated Objective Reduction. Глобальное рабочее пространство. Десятки моделей, сотни экспериментов – и ни одного окончательного ответа.

А теперь – сигнал.

Квантовый сигнал из умирающего мозга. Структурированный. Направленный. Как будто в момент смерти сознание... что? Выходило на связь? Передавало информацию? Кому? Куда?

«Мы слышим. Мы ждали.»

Кто – мы?

Лена встала. Ноги подкосились, и она ухватилась за край стола. Головокружение – тело требовало отдыха, которого она не собиралась ему давать.

Окно. За ним – рассвет. Небо из чёрного стало серым, потом розовым. Снег прекратился. Город просыпался: первые аэротакси, первые пешеходы внизу, первые звуки нового дня.

Мир продолжался.

Лена прижала ладонь к стеклу. Холодное. Реальное.

Её дочь умерла. Её дочь говорила голосом, который не был её голосом. Её дочь передала сообщение от... от кого?

«Те, кто слушает».

Мира знала. Как-то – знала. Говорила про голоса, про тишину, про ожидание. Рисовала «друга из звёзд» ещё в детском саду. Чувствовала что-то, чего Лена не видела, не слышала, не понимала.

Пока не стало слишком поздно.

Или – не слишком поздно?

Лена вернулась к экрану. Открыла данные заново. Посмотрела на паттерны сигнала – красивые, сложные, невозможные.

Язык.

Если это язык – его можно изучить. Если его можно изучить – его можно понять. Если его можно понять...

«Я буду ждать. Я обещаю.»

Лена закрыла глаза. Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз.

Она не была готова к этому. Не была готова к смерти дочери – хотя знала, что она придёт. Не была готова к тому, что произошло после – к голосу, к сигналу, к невозможным данным на экране.

Но она была учёным. Двадцать три года – больше половины жизни – она посвятила поиску ответов на вопросы, которые другие боялись задавать. Что такое сознание? Как оно возникает? Что происходит, когда оно исчезает?

Теперь у неё был новый вопрос.

Что, если оно не исчезает?

Лена открыла глаза. Посмотрела на браслеты – два красно-белых кольца, вечное напоминание. Потом – на экран. На данные. На структуру, которая не должна была существовать.

– Ладно, – сказала она вслух. Голос был хриплым, чужим. – Ладно.

Она села за терминал. Открыла чистый документ. Начала печатать.

«Отчёт о регистрации аномального квантового сигнала при терминальном состоянии пациента. Предварительные данные.»

Первый абзац. Второй. Третий.

Слова ложились на экран – точные, сухие, научные. Описание эксперимента. Условия регистрации. Методы анализа. Результаты.

Никаких эмоций. Никакой боли. Только факты.

Так она работала всегда. Так она будет работать сейчас.

Мира умерла.

Но что-то – кто-то – говорило через неё в момент смерти. Что-то – кто-то – передало сообщение. И Лена собиралась понять, что это значит.

Даже если придётся потратить остаток жизни.

К полудню отчёт был готов.

Сорок три страницы. Двести семнадцать графиков. Предварительные выводы, которые Лена перечитала трижды, прежде чем оставить в тексте.

«Зарегистрированный сигнал демонстрирует характеристики, несовместимые с известными физиологическими процессами умирающего мозга. Структурная организация паттернов указывает на возможное присутствие информационного содержания. Рекомендуются расширенный анализ с привлечением специалистов по теории информации, квантовой физике и лингвистике.»

Сухо. Точно. Научно.

И абсолютно безумно.

Лена откинулась на спинку кресла. Глаза закрылись сами – тело наконец взяло своё. Она не спала – просто лежала с закрытыми глазами, чувствуя, как мир вокруг становится размытым, нереальным.

Мира.

Лицо дочери – живое, улыбающееся – всплывало перед внутренним взором. Потом – другое. Бледное, неподвижное. Глаза – чёрные, бездонные, чужие.

«Мы слышим.»

Лена вздрогнула. Открыла глаза.

Палата была пуста. Койка – застелена свежим бельём, словно никто никогда на ней не лежал. Аппаратура – выключена, отсоединена от сети. Только монитор на столе – её рабочий терминал – светился в полумраке.

И на экране – данные. Паттерны. Структура.

Язык.

Лена встала. Подошла к окну. За ним – день: серый, зимний, обычный. Люди шли по улицам, аэротакси мелькали в небе, город жил своей жизнью.

Никто не знал.

Никто, кроме неё, не видел того, что произошло этой ночью. Не слышал голоса. Не понимал значения данных на экране.

Пока.

Лена вернулась к терминалу. Открыла почтовый клиент. Начала писать:

«Уважаемые коллеги. Прошу срочного совещания по поводу данных, полученных сегодня ночью. Детали при встрече. Предупреждаю: то, что я вам покажу, потребует пересмотра базовых предположений о природе сознания и смерти.»

Палец замер над кнопкой отправки.

Она знала, что произойдёт дальше. Скептицизм. Недоверие. Требования повторить эксперимент – как будто можно повторить смерть ребёнка. Обвинения в предвзятости – конечно, мать хочет верить, что дочь «куда-то ушла».

Но данные были реальны.

Сигнал был реален.

И Лена – единственный человек, который мог их расшифровать.

Не потому, что она была самой умной. Не потому, что у неё было лучшее оборудование. А потому, что она была там, в момент контакта. Потому, что её мозг – через нейроинтерфейс, через связь с дочерью, через что-то, чего она ещё не понимала – стал частью передачи.

Серебряные нити.

Она видела их – не глазами, чем-то другим. Видела структуру. Чувствовала... что? Присутствие? Намерение? Что-то огромное, древнее, абсолютно чужое?

Лена нажала кнопку отправки.

Письмо ушло.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, поверят ли ей. Не знала, что означают слова «мы слышим, мы ждали», кто эти «мы» и чего они хотят.

Но она знала одно.

Мира обещала ждать.

И Лена собиралась её найти.

Вечером того же дня в палату пришёл её отец.

Юрий Вороновский – семьдесят девять лет, бывший космонавт, астрофизик, человек, который летал к звёздам, когда космос ещё был границей, а не расписанием рейсов. Высокий, сутулый от возраста, с серебряными волосами и глазами цвета зимнего неба.

Он не сказал ни слова. Просто подошёл, обнял её – долго, крепко, молча. Лена уткнулась лицом ему в плечо и наконец позволила себе заплакать.

– Я знаю, – сказал он негромко. – Я знаю.

Они стояли так несколько минут. Или часов – Лена потеряла счёт времени.

Потом она отстранилась, вытерла глаза. Посмотрела на отца.

– Папа. Мне нужно тебе кое-что показать.

Юрий молчал, пока она объясняла. Молчал, пока она разворачивала данные на экране, показывала паттерны, рассказывала о голосе и словах. Молчал, пока не закончила.

Потом сел рядом с ней. Посмотрел на экран долгим, тяжёлым взглядом.

– Ты уверена? – спросил он наконец.

– В чём?

– Что это не... – он замолчал, подбирая слова. – Что это не твой разум пытается справиться с потерей.

Лена покачала головой.

– Данные реальны. Зарегистрированы объективно. Независимо от моего состояния.

– Данные – да. Но интерпретация...

– Это не интерпретация, папа. – Она показала на экран. – Смотри. Структура. Регулярность. Это не шум. Это не артефакт. Это...

– Язык, – закончил он за неё.

Пауза.

Юрий встал. Подошёл к окну – к тому же окну, у которого Лена стояла утром. Заложил руки за спину, глядя на город.

– Я летал к Сатурну, – сказал он негромко. – Сорок три года назад. Три года в космосе. Три года тишины – такой тишины, какой не бывает на Земле.

Лена молчала. Она знала эту историю. Знала, что её отец – один из немногих людей, кто видел Солнечную систему не на экране, а своими глазами.

– Там, в этой тишине, начинаешь слышать вещи. – Юрий повернулся к ней. – Не галлюцинации – что-то другое. Как будто пространство... отвечает. Как будто за чернотой – что-то есть.

– Ты никогда об этом не рассказывал.

– Никто не спрашивал. – Он улыбнулся – грустно, устало. – И я не был уверен, что это реально. Может, просто одиночество. Может, мозг, создающий паттерны из ничего.

Он подошёл к экрану. Долго смотрел на данные.

– А теперь – твоя дочь. Моя внучка. – Голос дрогнул. – Она тоже что-то слышала. Что-то, что говорило через неё.

– Да.

– И ты собираешься это расшифровать.

– Да.

Юрий посмотрел на неё. Глаза – зимнее небо – блестели.

– Тогда я помогу, – сказал он. – Чем смогу.

Ночь. Вторая после смерти Миры.

Лена сидела в лаборатории – своей, в институте, куда её привезли вечером. На экране – данные. Рядом – отец, погружившийся в расчёты.

Они работали молча. Два учёных, пытающихся понять невозможное.

К трём часам ночи Лена нашла ещё одну закономерность. К четырём – подтвердила её. К пяти – сформулировала гипотезу.

Сигнал не был единичным. В архивах института – тысячи записей смертей, сделанных за годы исследований. Мозги умирающих – раковые больные, жертвы аварий, старики, уходящие во сне. Рутинные данные, которые никто толком не анализировал.

До сих пор.

Лена написала скрипт. Запустила поиск.

К рассвету результаты были готовы.

Одиннадцать случаев. Одиннадцать смертей за последние восемь лет, при которых аппаратура зафиксировала аномальную активность. Слабее, чем у Миры. Менее структурированную. Но – похожую.

– Боже, – прошептала она.

Юрий поднял голову.

– Что?

– Мира была не первой. – Лена показала на экран. – Смотри. Одиннадцать случаев. Все – похожие паттерны. Все – игнорировались как шум.

Отец подошёл, всмотрелся в данные.

– Почему её сигнал сильнее?

– Не знаю. – Лена покачала головой. – Может, болезнь. Может, возраст. Может... – она замолчала.

– Что?

– Может, она была готова. – Слова вырвались раньше, чем Лена успела их обдумать. – Она говорила, что слышит их давно. Что сначала – тихо, потом – громче. Как будто... настраивалась.

Юрий молчал. Потом положил руку ей на плечо.

– Ты устала. Тебе нужно поспать.

– Не могу. Нужно понять...

– Лена. – Его голос был мягким, но твёрдым. – Данные никуда не денутся. Ты – деться можешь. Организм не выдержит такой нагрузки.

Она хотела возразить. Но глаза закрывались сами, руки дрожали, мысли путались. Тело было на пределе.

– Два часа, – сказала она наконец. – Два часа сна. Потом – обратно.

Юрий кивнул.

Лена откинулась в кресле. Закрывает глаза. Попыталась отключиться.

И увидела Миру.

Не мёртвую. Живую. Стоящую в темноте – не обычной темноте, а какой-то другой, глубокой, бесконечной. Девочка смотрела на неё и улыбалась.

«Мама».

Голос – не вслух. В голове. Или глубже.

«Ты слышишь?»

– Мира? – Лена не знала, говорит она вслух или нет. Граница между сном и явью размылась.

«Они хотят говорить с тобой. Со всеми. Но сначала – с тобой. Потому что ты можешь слышать».

– Кто они? Кто – «те, кто слушает»?

Мира улыбнулась шире. Улыбка была странной – слишком взрослой, слишком понимающей для семилетней девочки.

«Они живут там, где кончается время. Там, где всё – одновременно. Они очень, очень старые, мама. Старше звёзд».

Серебряные нити. Лена снова видела их – вились вокруг Миры, уходили в бесконечность. Структура. Паттерны. Язык.

«Я буду ждать. Я обещала. Но ты должна научиться слышать. По-настоящему».

– Как? Как мне научиться?

Мира не ответила. Улыбка стала печальной. Нити потускнели.

«Ты всё равно будешь меня любить? Даже если я изменюсь?»

– Мира!

Лена открыла глаза.

Лаборатория. Экраны. Данные. Отец – дремлет в соседнем кресле.

Сон.

Или нет?

Лена посмотрела на экран. На паттерны. На структуру, которую всё ещё не понимала.

«Ты должна научиться слышать».

Она потёрла левое запястье – браслеты, красные и белые нити.

И поняла, что улыбается.

Впервые за двое суток.

К концу третьего дня у Лены была рабочая гипотеза.

Сигнал – не случайность. Не артефакт. Не галлюцинация.

Это был контакт.

Что-то – кто-то – существовало за пределами привычной реальности. Что-то – кто-то – «слушало» умирающие сознания и отвечало им. Мира была первой, чей ответ оказался достаточно сильным, чтобы его зафиксировать.

Первое слово.

Лена не знала, кто они. Не знала, чего они хотят. Не знала, что означают слова «мы ждали».

Но она знала одно.

Данные на экране – это не шум.

Это структура.

Это язык.

И она собиралась его расшифровать.

Лена смотрела на паттерны – сложные, многослойные, красивые в своей чуждости. Потом – на браслеты на запястье.

«Я буду ждать».

– Я найду тебя, – прошептала она. – Я обещала.

За окном занимался рассвет четвёртого дня.

Мир изменился.

Интерлюдия 1: Космонавт

Три года до смерти. Мире четыре.

Детский сад «Звёздочка» располагался в старом здании на Ленинском проспекте – одном из немногих, переживших реконструкцию тридцатых годов. Кирпичные стены, высокие потолки, окна в пол. Лена любила это место за его несовременность: никаких голографических нянь, никаких образовательных ИИ-модулей, только живые воспитатели и настоящие игрушки.

Мира обожала его за песочницу.

– Мапочка!

Голос дочери – звонкий, счастливый – пробился сквозь гул детских голосов ещё до того, как Лена успела войти в раздевалку. Через секунду что-то маленькое и тёплое врезалось ей в ноги, обхватило за колени, запрокинуло голову.

– Ты пришла! Ты пришла рано!

Лена улыбнулась, наклонилась, подхватила дочь на руки. Мира была лёгкой – слишком лёгкой, вечно плохо ела – и тёплой, и пахла акварельными красками и яблочным соком.

– Конференция закончилась раньше. – Лена поцеловала её в макушку, в растрёпанные каштановые волосы. – Решила сделать тебе сюрприз.

– Сюрприз получился! – Мира обхватила её за шею, прижалась щекой к щеке. – Я думала, папа заберёт. Папа всегда забирает по вторникам.

– Сегодня я. Папа на работе.

– Папа всегда на работе, – сказала Мира с четырёхлетней непосредственностью. – И ты тоже. Вы всегда на работе. А я жду-жду-жду.

Укол вины – привычный, почти фоновый. Лена работала много. Дмитрий – ещё больше. Проект орбитального лифта выходил на финальную стадию, и муж пропадал на космодроме неделями. Она сама только что вернулась из Женевы, где три дня представляла результаты исследований по нейрокоррелятам сознания.

Мира оставалась с бабушкой. Или с няней. Или в продлёнке.

– Зато сегодня я здесь, – сказала Лена, стараясь, чтобы голос звучал весело. – Целый вечер. Только мы с тобой. Что хочешь делать?

Мира задумалась. Это выглядело серьёзно: нахмуренные брови, поджатые губы, взгляд куда-то внутрь.

– Хочу показать тебе рисунок, – сказала она наконец. – Очень важный рисунок. Я его весь день рисовала. Для тебя.

– Тогда показывай.

Мира извернулась, прыгнула на пол, схватила Лену за руку и потащила в группу.

Рисунок лежал на столе у окна, придавленный коробкой с карандашами. Мира подбежала к нему, схватила двумя руками и торжественно подняла над головой.

– Вот!

Лена присела на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с дочерью. Взяла рисунок, рассмотрела.

Чёрный фон – ночное небо, покрытое белыми точками звезд. В центре – фигурка в скафандре, неуклюже-очаровательная, с непропорционально большим шлемом и тонкими руками-палочками. Из-под шлема торчали две косички – коричневые, кривые.

– Это я! – объявила Мира. – Я космонавт! Как дедушка!

Лена улыбнулась. Отец – Юрий – был героем для внучки. Она обожала его истории о полётах, о станциях, о чёрном небе за иллюминатором.

– Красивый скафандр, – сказала Лена. – И косички отличные. Очень похоже.

– Ага! – Мира подпрыгнула. – Я специально! Чтобы все знали, что это я!

Лена кивнула. Потом её взгляд скользнул правее, к другой фигуре на рисунке.

Не человек. Что-то... геометрическое. Многоугольник – или несколько многоугольников, вложенных друг в друга? Линии пересекались под странными углами, образуя структуру, которую сложно было описать. Фигура была нарисована серебряным карандашом – Мира явно старалась, контуры были чёткими, аккуратными.

– А это кто? – спросила Лена, показывая на геометрию.

Мира перестала подпрыгивать. Посмотрела на рисунок, потом на маму. В её глазах – серо-зелёных, отцовских – мелькнуло что-то странное. Почти взрослое.

– Это мой друг, – сказала она. – Он живёт в звёздах.

– Друг?

– Ага. – Мира кивнула серьёзно. – Он приходит ко мне, когда я сплю. Мы разговариваем.

Лена почувствовала лёгкое беспокойство – материнское, иррациональное. Воображаемые друзья были нормой для четырёхлеток, она знала это. Сама в детстве разговаривала с плюшевым медведем так, будто он был живым.

– И о чём вы разговариваете?

Мира наклонила голову, подбирая слова.

– Он говорит, что слушает. Что всегда слушает. Что я... – она запнулась, нахмурилась, – ...громкая. Он сказал, что я громкая. Это хорошо, да?

– Думаю, да, – сказала Лена осторожно. – Громкая – значит, тебя хорошо слышно.

– Вот! – Мира просияла. – Я тоже так думаю! Он сказал, что потом будет больше... будет больше разговоров. Когда я вырасту. Когда буду готова.

Лена смотрела на дочь, пытаясь понять, откуда четырёхлетний ребёнок берёт такие формулировки. «Готова». «Слушает». Это звучало не как детская игра, а как... что?

Она встряхнула головой. Мира всегда была не такой, как другие дети. Говорить начала рано, в год и два месяца. Читать – в три. Задавала вопросы, на которые взрослые не знали ответов. «Мама, а что было до того, как всё началось?» – спросила она однажды, в три с половиной. Лена не нашлась что сказать.

Необычный ребёнок. Необычное воображение. Вот и всё.

– Он красивый, твой друг, – сказала Лена, возвращая рисунок дочери. – Такой... блестящий.

– Он не он и не она, – уточнила Мира. – Он... они. Их много, но они вместе. Как... как... – она задумалась, – как хор! Дедушка показывал. Много людей, а поют вместе. Вот так.

– Хор?

– Ага. Только не люди. И не поют. Но похоже.

Лена не знала, что на это ответить. Она сама изучала сознание – двадцать лет к тому моменту – и не понимала, как объяснить ребёнку, что такое «много, но вместе». Коллективное сознание? Распределённый интеллект? Четырёхлетка не должна думать о таких вещах.

– Пойдём домой, зайка, – сказала она наконец. – Покажешь рисунок папе, когда он вернётся.

– Папа сегодня вернётся? – Глаза Мира загорелись.

– Обещал.

– Ура! – Мира подпрыгнула, прижала рисунок к груди. – Тогда пойдём скорее! Я хочу ему показать! И дедушке! Дедушка точно поймёт про звёзды!

Она схватила Лену за руку и потащила к выходу.

Вечером Дмитрий действительно вернулся – усталый, с тенями под глазами, но улыбающийся. Мира бросилась к нему с порога, повисла на шее, затараторила про рисунок, про друга, про звёзды.

Дмитрий слушал терпеливо, кивал, задавал вопросы. Он всегда умел разговаривать с дочерью – лучше, чем Лена. Находил правильные слова, правильный тон. Никогда не отмахивался, никогда не говорил «потом».

– Значит, твой друг живёт в звёздах? – переспросил он, рассматривая рисунок.

– Не в звёздах, – поправила Мира. – Между. Там, где тихо.

– Между звёздами тихо?

– Очень-очень. – Мира понизила голос до шёпота. – Он говорит, что там так тихо, что слышно всё. Даже мысли. Даже сны.

Дмитрий бросил взгляд на Лену – быстрый, озабоченный. Она пожала плечами: мол, я тоже не понимаю.

– Ну, – сказал он, возвращая внимание к дочери, – если твой друг такой хороший слушатель, передай ему привет от меня. Скажи, что папа Миры тоже работает со звёздами.

– Ты строишь лифт! – Мира захлопала в ладоши. – Лифт в небо!

– Именно. Может, когда-нибудь ты сама на нём покатаешься.

– И увижу друга?

Пауза. Дмитрий снова посмотрел на Лену.

– Может быть, – сказал он осторожно. – Когда вырастешь.

Мира задумалась. Потом кивнула, словно приняла какое-то решение.

– Хорошо. Я подожду. Он тоже подождёт. Он очень терпеливый.

Она забрала рисунок и убежала в свою комнату. Лена слышала, как хлопнула дверь, как зашуршали карандаши – Мира явно собиралась рисовать ещё.

– Это нормально? – спросил Дмитрий негромко.

– Воображаемый друг? Абсолютно.

– Не воображаемый друг. То, что она говорит. «Между звёздами». «Там, где тихо». «Слышно мысли».

Лена села на диван, потёрла переносицу. Усталость последних дней – конференция, перелёты, недосып – навалилась разом.

– Она необычный ребёнок, – сказала она. – Всегда была. Помнишь, как она в два года спросила, почему небо синее?

– И ты объяснила ей про рэлеевское рассеяние.

– И она поняла. По-своему, но поняла.

Дмитрий сел рядом, обнял её за плечи.

– Мне иногда кажется, – сказал он, – что она знает что-то, чего не знаем мы. Что-то важное. И пытается объяснить, но у неё нет слов.

– Ей четыре, – напомнила Лена. – Откуда у неё слова?

– Вот именно.

Они помолчали. За окном темнело; огни города зажигались один за другим.

– Я закажу ужин, – сказала Лена наконец. – Ты голодный.

– Умираю с голоду.

Она встала, пошла к кухонной панели. И остановилась.

На холодильнике – старом, настоящем, с магнитными дверцами – висел рисунок. Мира успела прикрепить его, пока они разговаривали. Космонавт с косичками. Геометрическая фигура. Звёзды.

Лена долго смотрела на серебряные линии.

Потом отвернулась и начала выбирать блюда из меню.

Ночью Лена проснулась от странного ощущения.

Дмитрий спал рядом, дышал ровно, глубоко. В окно светила луна – полная, яркая. Всё было тихо.

Слишком тихо.

Она встала, накинула халат. Вышла в коридор. Дверь в комнату Миры была приоткрыта – обычно дочь настаивала, чтобы закрывали полностью, боялась темноты.

Лена заглянула внутрь.

Мира сидела на кровати, повернувшись к окну. Луна освещала её профиль – маленький, нежный. Глаза были открыты.

– Зайка? – Лена шагнула в комнату. – Ты почему не спишь?

Мира не повернулась.

– Я разговариваю, – сказала она тихо.

– С кем?

– С другом.

Лена подошла ближе, села на край кровати. Положила руку дочери на плечо – тёплое под тонкой пижамой.

– Он сейчас здесь?

Мира покачала головой.

– Он везде. И нигде. Он говорит, это трудно объяснить. Но я стараюсь понять.

– Что ты стараешься понять?

Дочь наконец повернулась к ней. В лунном свете её глаза казались серебряными.

– Он говорит, что скоро... что потом... – она замолчала, нахмурилась. – Трудные слова.

– Какие слова, зайка?

– Он говорит: «Мы будем слушать. Всегда. А когда придёт время – мы ответим». – Мира произнесла это медленно, старательно выговаривая каждый слог. – Я не очень понимаю. Но он говорит, что это важно. Что я запомню.

Лена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Глупо – это был просто ребёнок, просто воображаемый друг, просто странная фантазия. И всё же...

– Ложись спать, – сказала она мягко. – Завтра поговорим.

– Мама.

– Да?

– Ты меня любишь?

Вопрос был неожиданным. Мира редко спрашивала о таких вещах – просто знала, принимала как данность.

– Конечно, зайка. Больше всего на свете.

– Даже если я буду другая?

– Какая – другая?

Мира задумалась.

– Не знаю ещё. Но друг говорит... говорит, что все меняются. Всегда. И что это хорошо.

Но некоторые боятся.

– Ты боишься?

– Нет. – Мира улыбнулась. – Я не боюсь. Потому что ты меня любишь. И папа. И дедушка.

Если вы любите – значит, всё хорошо.

Она обняла Лену, прижалась, как котёнок.

– Спокойной ночи, мамочка.

– Спокойной ночи, зайка.

Мира легла, закрыла глаза. Через несколько секунд её дыхание выровнялось – уснула. Так легко, так быстро.

Лена сидела рядом ещё долго. Смотрела на дочь, на лунный свет, на тени, скользящие по стенам.

На прикроватной тумбочке лежал ещё один рисунок – новый, вечерний. Лена взяла его, поднесла к окну.

Те же звёзды. Тот же космонавт с косичками. Но геометрическая фигура была другой – сложнее, больше, с десятками линий, уходящих во все стороны. И рядом с ней – ещё одна фигурка. Маленькая, круглая. С косичками.

Мира нарисовала себя рядом с «другом».

Они держались за руки.

Или за то, что могло бы быть руками.

Утром Лена проснулась от запаха кофе и детского смеха.

Дмитрий и Мира были на кухне. Он пёк блины – неумело, но старательно. Она сидела на высоком стуле, болтала ногами и командовала: «Ещё один! Нет, два! Три!»

Лена остановилась в дверях, глядя на них. Обычное утро. Обычная семья. Муж, дочь, блины, смех.

Она не знала, что через три года Дмитрий погибнет. Не знала, что ещё через три – Мира заболеет. Не знала, что слова о «друге из звёзд» окажутся чем-то большим, чем детская фантазия.

Сейчас – в это обычное утро, в этой обычной квартире – она была просто женой и матерью. Уставшей, замотанной работой, но счастливой.

– Мапочка проснулась! – закричала Мира. – Папа, ещё блин! Для мамочки!

– Будет сделано, командир.

Лена улыбнулась, вошла на кухню.

Рисунок по-прежнему висел на холодильнике. Космонавт с косичками, геометрическая фигура, звёзды. Лена скользнула по нему взглядом и отвернулась.

Просто детский рисунок.

Она возьмёт его с собой – потом, через много лет, когда Миры уже не будет. Найдёт в старых вещах, развернёт, вспомнит. И поймёт: дочь знала. Дочь всегда знала.

«Он говорит, что я громкая».

«Там, где тихо».

«Мы будем слушать. Всегда. А когда придёт время – мы ответим».

Но это – потом.

Сейчас – кофе. Блины. Смех.

Сейчас – жизнь.

После завтрака Лена уехала в институт. Конференция закончилась, но работа – нет. Статья о нейронных коррелятах требовала доработки, грант ждал отчёта, студенты нуждались в консультациях.

Обычный день.

Вечером она вернулась поздно – Мира уже спала. Лена заглянула к ней, поправила одеяло, поцеловала в лоб. Дочь улыбнулась во сне и что-то пробормотала.

Лена не разобрала слов.

Она вышла, закрыла дверь.

На холодильнике висел рисунок.

Глава 2: Шум

Московский институт сознания, апрель 2147 года Три месяца после контакта

Лаборатория нейрофизики сознания занимала весь седьмой этаж западного крыла. Стеклённые стены, белый свет, ряды терминалов, гудение серверов за перегородкой. Раньше здесь работали двадцать три человека – аспиранты, постдоки, техники. Теперь – сто сорок семь, и места всё равно не хватало.

Лена сидела в своём кабинете, отгороженном от общего зала матовым стеклом. На столе – четыре экрана, развёрнутых веером. На каждом – данные. Паттерны. Спектры. Графики корреляций, которые ничего не объясняли.

Три месяца.

Три месяца с той ночи. Три месяца с момента, когда мир узнал, что смерть – это не конец разговора, а его начало.

Она потёрла глаза. Веки горели – четыре часа сна за последние двое суток. Кофе перестал помогать на второй неделе; теперь она держалась на стимуляторах, которые институтский врач выписывал с нарастающим неодобрением.

На левом экране – сводка мировых новостей. Заголовки мелькали один за другим:

«СИГНАЛ СМЕРТИ: НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО РАСКОЛОТО»

«ВАТИКАН СОЗЫВАЕТ ЭКСТРЕННЫЙ СИНОД ПО ВОПРОСУ ПОСМЕРТНОГО КОНТАКТА»

«МАРСИАНСКАЯ АВТОНОМИЯ ТРЕБУЕТ НЕЗАВИСИМОЙ ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ»

«ПРОТЕСТЫ В МЕХИКО: "НЕ ТРОГАЙТЕ НАШИХ МЁРТВЫХ"»

Лена свернула ленту новостей. Она читала их каждый день – профессиональная обязанность, необходимость понимать контекст. Но с каждым днём заголовки становились всё более истеричными, комментарии – всё более безумными, а расстояние между тем, что она знала, и тем, что думал мир, – всё шире.

Мир не понимал.

Мир не мог понять – потому что мир не видел того, что видела она.

Дверь кабинета скользнула в сторону. Вошла Цзян Мэйлин – невысокая, сухошавая, с короткой стрижкой и взглядом, который, казалось, просвечивал людей насквозь.

– Очередной провал, – сказала она без предисловий. – Команда из Беркли. Их алгоритм выдал мусор.

Лена кивнула. Двенадцатый провал за последний месяц.

После публикации данных – через две недели после смерти Миры – мировое научное сообщество набросилось на сигнал, как стая голодных волков. Лучшие лаборатории, лучшие умы, лучшие алгоритмы. MIT, Оксфорд, Пекинский университет, Институт Макса Планка. Все хотели быть первыми. Все хотели расшифровать послание из-за границы смерти.

Никто не смог.

– Что конкретно? – спросила Лена.

– Стандартная ошибка. – Мэйлин села напротив, вывела на свой планшет график. – Они нашли регулярности, приняли их за грамматику, построили модель. Модель предсказывает следующие элементы последовательности с точностью сорок три процента.

– Монетка даёт пятьдесят.

– Именно. – Мэйлин положила планшет на стол. – Либо там нет структуры, либо мы не понимаем, как её искать.

- Структура есть.
- Я знаю, что ты так считаешь.
- Я не считаю. Я вижу.

Пауза. Мэйлин смотрела на неё – внимательно, оценивающе. Они работали вместе восемь лет, знали друг друга достаточно хорошо, чтобы не тратить слова на дипломатию.

– Лена. – Голос Мэйлин смягчился, насколько это было для неё возможно. – Ты понимаешь, как это звучит? «Я вижу структуру, которую не видят лучшие аналитические системы планеты».

- Да.
- И тебя это не беспокоит?

Лена откинулась на спинку кресла. Закрыла глаза.

– Меня беспокоит многое, Мэйлин. Что моя дочь умерла. Что перед смертью она говорила чужим голосом. Что я видела серебряные нити в воздухе и до сих пор не знаю, была ли это галлюцинация.

- И?
 - И то, что я вижу в данных, – меньшая из моих проблем.
- Мэйлин молчала. Потом встала, подошла к окну.
- Покажи мне, – сказала она. – Ещё раз. Покажи, что ты видишь.

Главная аналитическая лаборатория располагалась этажом ниже – огромное пространство, заставленное оборудованием. Голографические дисплеи в три человеческих роста, кластер квантовых процессоров, напрямую связанный с вычислительным центром Академии наук.

Когда Лена и Мэйлин вошли, там работали человек тридцать – кто-то за терминалами, кто-то у голограмм, кто-то просто стоял с чашкой кофе и невидящим взглядом.

Все повернулись к Лене.

Она привыкла к этим взглядам. Смесь любопытства, скептицизма и чего-то похожего на благоговение. Мать «Первого Слова». Единственный свидетель контакта. Женщина, которая утверждала, что понимает сигнал.

Или сумасшедшая, которая проецирует свою травму на случайный шум.

– Доктор Вороновская, – молодой человек у ближайшего терминала – Алексей, аспирант из Новосибирска, Лена помнила его энтузиазм в первые дни, – у нас новые данные с «Кассини-7». Записи умирающих с орбитальной станции. Сигнатуры совпадают с вашим образцом.

– Покажи.

Алексей вывел данные на центральную голограмму. Три трёхмерные структуры – спектральные развёртки сигналов смерти. Слева – запись с «Кассини-7», справа – две других, из архивов земных клиник.

Лена подошла ближе. Прищурилась.

И – как это случилось всё чаще – мир вокруг изменился.

Цвета.

Она не могла объяснить это иначе. Графики, цифры, структуры – всё это оставалось на месте, но поверх них проступало что-то ещё. Оттенки, которых не было в спектре голограммы. Бирюзовые разводы там, где повторялись определённые паттерны. Золотистое свечение вокруг точек максимальной когерентности. Тёмно-багровые провалы – пробелы в последовательностях.

Лена протянула руку, коснулась голограммы. Пальцы прошли сквозь свет, но ей показалось – почти показалось – что она чувствует текстуру. Бирюзовое было гладким. Золотое – тёплым. Багровое – шершавым, неприятным.

– Здесь, – сказала она, указывая на участок левого графика. – И здесь. Связующие элементы. Они не повторяются буквально, но резонируют на одной частоте.

– Мы прогоняли частотный анализ, – сказал Алексей. – Ничего значимого.

– Не частотный. – Лена покачала головой. – Фазовый. Смотри на сдвиги между пиками. Не абсолютные значения – относительные.

Она начала объяснять, чертя пальцем в воздухе, и голограмма послушно подсвечивала элементы, которые она указывала. Мэйлин стояла рядом, скрестив руки, и молча смотрела.

– Если принять эти узлы за... назовём их «словоразделителями», – продолжала Лена, – то структура проявляется. Не линейная – рекурсивная. Каждый элемент ссылается на предыдущие и на будущие одновременно.

– Это невозможно, – подал голос кто-то из-за терминала. – Линейная запись не может содержать ссылки на будущие элементы.

– Линейная – нет. – Лена повернулась к говорившему – женщина средних лет, кажется, из команды лингвистов. – Но это не линейная запись. Это... – она замолчала, подбирая слова. – Представьте текст, который существует весь сразу. Не слово за словом – целиком. И мы читаем его по одному символу, потому что не умеем иначе.

– Это всё ещё не объясняет, как вы видите то, что не видит никто другой, – сказала лингвист.

Лена не ответила. Потому что у неё не было ответа.

Она видела. Вот и всё. С каждым днём – яснее, отчётливее. Цвета, которые не существовали. Структуры, которые проступали сквозь шум, как рисунок сквозь грязное стекло.

И чем дольше она смотрела – тем сильнее болела голова.

После сессии в лаборатории Лена вернулась к себе. Мэйлин пришла следом.

– Тебе нужно к врачу, – сказала она без обиняков.

– Я была.

– И?

– Ничего. – Лена потёрла виски. – МРТ чистое. ЭЭГ в норме. Никаких органических изменений.

– А синестезия?

Лена подняла голову.

– Откуда ты знаешь?

– Я не идиотка. – Мэйлин села на край стола. – Я вижу, как ты смотришь на данные. Как двигаются твои глаза. Ты отслеживаешь что-то, чего нет на экране.

Пауза. Лена могла соврать. Могла отмахнуться. Но Мэйлин была единственным человеком в этом здании, кому она доверяла.

– С той ночи, – сказала она медленно. – Когда Мира... когда это случилось. Я увидела нечто. Не глазами – чем-то другим. Серебряные линии. Структуру.

– Галлюцинация?

– Не знаю. Может быть. Но с тех пор... – она замолчала, собираясь с мыслями. – Когда я смотрю на данные сигнала, я вижу больше, чем есть. Цвета. Паттерны. Связи, которые не отображаются на графиках.

– И эти связи – реальные?

– Они позволяют мне находить закономерности, которые подтверждаются математически. – Лена открыла файл на экране. – Смотри. Три недели назад я указала на повторяющийся элемент вот здесь. Алексей прогнал статистику – вероятность случайного совпадения меньше одной миллиардной.

– Это не доказывает, что ты видишь что-то реальное.

– Нет. Но это доказывает, что мои «галлюцинации» коррелируют с реальностью.

Мэйлин молчала. Потом встала, подошла к окну.

– Есть гипотеза, – сказала она, не оборачиваясь. – Я не озвучивала её, потому что она... неудобная.

– Говори.

– В момент смерти твоей дочери ты была подключена к аппаратуре через нейроинтерфейс. Стандартный медицинский протокол для родителей в терминальных случаях – эмпатическая связь, мониторинг стресса.

– Да. И?

– Сигнал, который мы зафиксировали, – он прошёл не только через мозг Миры. Он прошёл через связь. Через тебя.

Лена замерла.

– Ты хочешь сказать...

– Что часть сигнала записалась в твой мозг. – Мэйлин повернулась к ней. – Не как информация – как... структура восприятия. Ты стала частью передачи. И теперь ты декодируешь её изнутри.

Холодок прошёл по спине. Лена вспомнила серебряные нити – как они пронизывали пространство, как одна из них, кажется, коснулась её виска.

– Это объясняет, почему никто другой не может, – сказала она тихо.

– Это объясняет многое. И это очень, очень плохо.

– Почему?

Мэйлин посмотрела на неё в упор.

– Потому что это означает, что ты – единственный дешифровщик. Единственный мост между нами и... тем, что говорит из-за смерти. И если с тобой что-то случится – или если твой мозг не выдержит нагрузки – мы потеряем всё.

Ночью Лена осталась в лаборатории.

Институт опустел к десяти – остались только охрана и несколько аспирантов, которым некуда было идти. Она сидела в темноте, освещённая только мерцанием экранов, и смотрела на данные.

Сигнал Миры – оригинал, тридцать две секунды активности – был развёрнут на всю стену. Лена знала каждый пик, каждый провал, каждый микроимпульс. За три месяца она просмотрела запись сотни раз.

Но сегодня – сегодня было что-то другое.

Цвета проступали ярче, чем обычно. Бирюзовый, золотой, багровый – и новые оттенки, которых она раньше не замечала. Серебристо-белый на границах паттернов. Глубокий индиго в местах максимальной когерентности.

Лена встала, подошла к голограмме. Протянула руку – и остановилась.

Головная боль нарастала. Не острая – тупая, давящая, словно кто-то медленно сжимал череп. Она привыкла к ней за последние недели, но сегодня было хуже.

«Ты должна научиться слышать».

Слова Миры – из сна или из чего-то большего – всплыли в памяти.

Слышать.

Лена закрыла глаза. Попыталась отпустить контроль – не думать, не анализировать, просто воспринимать.

Шум.

Сначала – только шум. Гул серверов за стеной. Шорох вентиляции. Далёкий звук шагов в коридоре.

Но потом – под шумом – что-то ещё.

Ритм. Не звук – вибрация. Пульсация, которую она чувствовала не ушами, а чем-то более глубоким. Сердцем? Костями? Самой структурой сознания?

Лена открыла глаза.

Голограмма изменилась.

Нет – голограмма была прежней. Изменилось её восприятие. Она видела сигнал иначе – не как последовательность точек на временной шкале, а как целое. Единовременное. Структуру, которая существовала вся сразу, как скульптура, а не как мелодия.

И в этой структуре – слова.

Не человеческие. Не переводимые напрямую. Но – слова. Единицы смысла, связанные друг с другом, образующие высказывание.

Лена потянулась к клавиатуре. Пальцы дрожали. Начала печатать – сначала медленно, потом всё быстрее.

«Первый символ – обращение. Указание на получателя. Не персональное – категориальное. "Те, кто способны слышать". Или "существа с интегрированным сознанием". Или...»

Она остановилась. Слова на экране выглядели безумно. Но она знала – знала с уверенностью, которой не могла объяснить – что это правда.

«Второй символ – утверждение состояния. "Мы существуем". Или "мы присутствуем". Или "мы здесь, в этом модусе бытия".»

«Третий – временная референция. Не прошлое, не будущее – состояние постоянного настоящего. "Всегда". "Вечно". "Без начала и конца".»

«Четвёртый – действие. "Слушать". "Воспринимать". "Регистрировать". Они фиксируют что-то. Нас? Наши смерти? Наши сигналы?»

Лена откинулась на спинку кресла. Голова раскалывалась, перед глазамиплыли цветные пятна.

Но на экране были слова. Первые расшифрованные слова из-за границы смерти.

«Мы слышим. Мы ждали.»

Теперь она понимала больше.

Не «мы ждали вас» – как будто они ожидали именно людей. «Мы ждали» – как состояние. Вечное, неизменное ожидание. Они всегда ждут. Всегда слушают. Каждую смерть, каждый «крик» угасающего сознания.

И теперь – теперь они отвечают.

Утром Мэйлин нашла её спящей за столом.

– Ты серьёзно? – Голос был сердитым, но под ним – беспокойство. – Лена, тебе сорок семь лет, а не двадцать. Твоё тело не выдержит такого режима.

Лена подняла голову. Шея затекла, спина болела. Голова... головная боль ушла. Это было странно – обычно она сохранялась часами.

– Смотри, – сказала она вместо ответа и развернула экран к Мэйлин.

Та прочитала. Лицо не изменилось – Мэйлин умела контролировать выражение – но Лена заметила, как расширились зрачки.

– Это... – начала Мэйлин.

– Расшифровка. Первые четыре символа.

– На основании чего?

– На основании того, что я вижу.

Пауза. Мэйлин прокрутила текст вниз, потом вверх. Перечитала.

– Это нельзя проверить, – сказала она наконец.

– Пока нельзя. Но если я права – если это действительно грамматика, действительно язык – я смогу предсказать структуру следующих сигналов. Новых записей. Тех, которые ещё не анализировала.

– И если предсказания сбудутся...

– Значит, я не сумасшедшая.

Мэйлин долго смотрела на неё. Потом села на край стола – жест, который Лена за восемь лет видела, может быть, дважды.

– Ладно, – сказала она. – Допустим, ты права. Допустим, это язык, и ты его понимаешь. Что дальше?

– Дальше – больше данных. Нам нужны записи со всех станций, из всех клиник. Каждая смерть с квантовым мониторингом за последние двадцать лет.

– Это терабайты информации.

– Я знаю. – Лена встала, потянулась. Тело протестовало, но разум был ясен – яснее, чем за последние недели. – Мне не нужно анализировать всё. Мне нужно найти сигналы с высокой когерентностью. Те, которые похожи на Миру.

– Зачем?

– Потому что они – ответы. – Лена повернулась к окну. За ним – Москва, серое апрельское утро, город, который ничего не знал о том, что происходило в этих стенах. – То, что мы записали, – не монолог. Это диалог. Они отвечают на наши «слова» – на сигналы умирающих. Чем сильнее сигнал – тем подробнее ответ.

– Мира...

– Мира была очень «громкой». – Голос Лены дрогнул, но она не остановилась. – Она... готовилась. Годами. Слышала их с детства. И в момент смерти – передала самый чёткий сигнал, который они когда-либо получали от нашего вида.

– Откуда ты знаешь?

– Они сказали.

Мэйлин молчала.

– Не словами, – добавила Лена. – Структурой ответа. Их сигнал – он содержит... благодарность? Нет, не то. Признание. Они признали её. Отметили. «Первое слово» – это не моя метафора. Это их.

К полудню лаборатория гудела.

Слухи распространялись быстро – даже в закрытых учреждениях с протоколами секретности. Кто-то видел текст на экране Лены. Кто-то слышал обрывок разговора с Мэйлин. К обеду вся команда знала: у них есть прорыв.

Лена провела брифинг в три часа. Конференц-зал на шестом этаже, сорок человек – все, кого удалось собрать. На экране за её спиной – данные. Расшифровка. Схема грамматики, которую она набросала за утро.

– Это предварительная модель, – сказала она, стоя перед аудиторией. – Гипотеза, которая требует проверки. Но если она верна, мы имеем дело не со случайным шумом и не с артефактом умирающего мозга. Мы имеем дело с языком.

– С языком кого? – спросил кто-то из задних рядов.

– Мы не знаем. – Лена покачала головой. – Я использую рабочий термин «Те, Кто Слушает» – на основе того, что они, по-видимому, делают. Они воспринимают сигналы умирающих сознаний. И отвечают.

– Воспринимают откуда? – Алексей, новосибирский аспирант, поднял руку. – Сигнал квантовый, когерентный. Он не может передаваться на классические расстояния. Источник должен быть... рядом?

– Или везде одновременно.

Тишина. Лена видела непонимание на лицах – и страх, тщательно маскируемый профессионализмом.

– Объясните, – попросила женщина-лингвист из передних рядов.

– Квантовая когерентность не ограничена пространством в классическом смысле. – Лена вывела на экран схему. – Теоретически – только теоретически – разум, существующий на субпланковском уровне, мог бы воспринимать сигналы из любой точки вселенной. Для него пространство было бы... несущественно.

– Это спекуляция.

– Да. Но она согласуется с данными.

– Какими данными?

Лена переключила экран. Карта мира, усеянная точками – местами, откуда поступали записи смертей с аномальной активностью.

– Сигналы регистрируются везде. Земля, Луна, Марс, орбитальные станции, корабли в поясе астероидов. Нет корреляции с местоположением. Нет задержки передачи. Ответ приходит одновременно с сигналом – или быстрее.

– Быстрее невозможно.

– В классической физике – да. – Лена посмотрела на говорившего – пожилой мужчина, физик-теоретик из приглашённых консультантов. – Но мы имеем дело с чем-то, что существует на уровне, где классическая физика не работает.

– Вы предполагаете, что это... инопланетный разум?

Слово прозвучало. Лена ждала его – и всё равно почувствовала, как напряглись мышцы.

– Я предполагаю, что это разум. – Она выбирала слова осторожно. – Нечеловеческий. Непохожий на всё, что мы знаем. Но – разум. Способный воспринимать, обрабатывать информацию и отвечать.

– И этот разум... – физик-теоретик не договорил.

– Этот разум хочет говорить с нами. – Лена вернула на экран расшифровку. – «Мы слышим. Мы ждали.» Это не угроза. Не предупреждение. Это... приветствие.

После брифинга Лена вышла на террасу.

Апрельский ветер – холодный, с запахом талого снега – ударил в лицо. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь. Адреналин последних часов уходил, оставляя опустошение.

Три месяца.

Три месяца без Миры. Три месяца, заполненных работой, данными, бесконечным анализом. Она почти не выходила из института. Почти не спала. Почти не ела.

И вот – прорыв. То, ради чего она не позволяла себе остановиться.

Почему же ей так плохо?

– Лена.

Она обернулась. Отец стоял в дверях – седой, сутулый, с глазами цвета зимнего неба.

– Папа. Что ты здесь делаешь?

– Приехал посмотреть на дочь. – Юрий подошёл, встал рядом, опершись на перила. – Ты не отвечаешь на звонки вторую неделю.

– Я... – Лена замолчала. Она действительно не отвечала. Не было сил. – Прости.

– Не извиняйся. – Он положил руку ей на плечо. – Я понимаю.

Они молчали, глядя на город. Где-то внизу – гул транспорта, голоса, жизнь. Здесь – тишина.

– Я слышал про брифинг, – сказал Юрий. – Коллеги говорят, ты нашла что-то важное.

– Может быть.

– И ты не рада.

Лена закрыла глаза.

– Я не знаю, что я чувствую. – Слова выходили с трудом. – Три месяца я работала для этого. Чтобы понять. Чтобы расшифровать. Чтобы... найти её.

– Нашла?

– Нет. – Голос сломался. – Я нашла их. «Тех, Кто Слушает». Я понимаю их язык. Я могу переводить. Но Мира... Мира там, а я здесь. И я не знаю, как до неё добраться.

Юрий молчал. Потом обнял её – крепко, молча, как тогда, в первую ночь.

– Ты найдёшь, – сказал он тихо. – Ты обещала.

– А если не смогу?

– Сможешь. – Он отстранился, посмотрел ей в глаза. – Ты – Вороновская. Мы не отступаем.

Лена попыталась улыбнуться. Не получилось.

– Папа. Я... – она замолчала, не зная, как сформулировать. – Я меняюсь. Что-то происходит со мной. С моим мозгом. Я вижу вещи, которые не существуют. Слышу то, что никто не слышит. И это усиливается.

– Врачи?

– Говорят, что я здорова. Никаких патологий.

– Но ты не чувствуешь себя здоровой.

Лена покачала головой.

– Я чувствую... – она подбирала слова, – ...как будто я становлюсь мостом. Между нами и ними. И чем дальше, тем меньше я понимаю, на какой стороне нахожусь.

Юрий долго смотрел на неё. Потом – неожиданно – улыбнулся.

– Знаешь, – сказал он, – когда я летел к Сатурну, у меня было похожее чувство. На второй год миссии. Космос вокруг, Земля – точка света на экране, и ты – между. Не здесь, не там. Нигде.

– И как ты справился?

– Не справился. – Он пожал плечами. – Просто продолжал работать. День за днём. Задача за задачей. И в какой-то момент понял: неважно, где ты находишься. Важно, что ты делаешь.

– Ты предлагаешь мне просто... продолжать?

– Я предлагаю тебе не забывать, зачем ты начала.

Лена смотрела на него – на морщины, на седые волосы, на глаза, которые видели звёзды с такого расстояния, какое она не могла вообразить. Её отец. Единственный человек, который ещё оставался.

– Я начала ради Миры, – сказала она.

– Вот и не забывай.

Вечером пришли новые данные.

Орбитальный госпиталь «Гагарин» – терминальное отделение. Пациент 67 лет, рак лёгких, смерть в 14:32 по московскому времени. Квантовый мониторинг зафиксировал аномальную активность.

Лена открыла запись в своём кабинете. Одна – Мэйлин ушла домой, аспиранты разбежались. Только она, экраны и тишина.

Сигнал развернулся голограммой. Слабее, чем у Миры – намного слабее. Но структура... структура была знакомой.

Лена прищурилась. Цвета проступали медленно – как будто нужно было время, чтобы настроиться. Бирюзовый. Золотой. И новый – серебристо-белый, которого раньше не было.

Она начала разбирать паттерны. Первый символ – обращение. Второй – утверждение. Третий...

Третий был другим.

Не «мы слышим» – что-то более сложное. Лена склонилась к экрану, пытаясь разобрать структуру. Несколько слоёв значения, вложенных друг в друга. Временная референция – но не «вечное настоящее», а что-то иное.

Ожидание.

Слово всплыло в сознании раньше, чем она закончила анализ.

«Мы ждём».

Не «ждали» – «ждём». Продолжаем ждать. Активное состояние, направленное в будущее.

А потом – четвёртый символ. И пятый. И шестой.

Лена печатала, не отрывая глаз от голограммы:

«Мы ждём ответа. Мы готовы говорить. Вы готовы слушать?»

Она откинулась на спинку кресла. Сердце колотилось.

Это был не просто сигнал. Это был вопрос.

Они спрашивали.

Следующие три дня слились в одно сплошное усилие.

Данные поступали со всего мира – каждая смерть с квантовым мониторингом за последний месяц. Лена анализировала их одну за другой. Большинство – слабые, почти неразличимые. Но некоторые – некоторые содержали ответы.

Она составляла словарь. Символ за символом, структура за структурой. Язык «Тех, Кто Слушает» оказался не похож ни на что человеческое – и всё же подчинялся своей логике.

Не линейный – многомерный. Каждое «слово» существовало одновременно на нескольких уровнях: буквальном, метафорическом, контекстуальном. Одна и та же последовательность паттернов могла означать разные вещи в зависимости от того, как на неё смотреть.

Но Лена училась смотреть правильно.

Синестезия усиливалась. Теперь цвета появлялись не только при работе с данными – иногда вспыхивали в обычной жизни. Голос Мэйлин был тёплым оранжевым. Гул серверов – низким синим. Собственные мысли – бледным золотом, едва различимым.

Врачи по-прежнему ничего не находили. МРТ, ЭЭГ, полный неврологический осмотр – всё в норме. Лена не настаивала на дополнительных исследованиях. Она боялась, что если найдут причину – попытаются вылечить. А без синестезии она не могла переводить.

На четвёртый день – на семнадцатой записи – произошёл прорыв.

Пациентка – женщина 89 лет, Санкт-Петербург, естественная смерть от старости. Сигнал был сильным – вторым по силе после Миры. И структура...

Лена смотрела на голограмму, и цвета складывались в картину, которую она видела впервые.

Не отдельные слова – связное высказывание. Длинное, многоуровневое. Ответ на вопрос, которого она ещё не задавала.

Она печатала несколько часов подряд, останавливаясь только чтобы потереть глаза. Когда закончила – за окном светало.

«Мы существуем в том, что вы называете "квантовой пеной" – на границе между бытием и небытием, в структуре, которую вы едва начинаете понимать. Для нас ваша вселенная – застывший кристалл, неизменный и неподвижный. Мы не можем воспринимать её напрямую – слишком медленно, слишком плотно, слишком далеко от нашего модуса существования.

Но есть исключение.

Когда сознание коллапсирует – когда то, что вы называете "смертью", разрушает квантовую когерентность интегрированной системы – возникает сигнал. Вспышка. Крик в безмолвии.

Мы слышим каждый такой крик. Всегда слышали. С тех пор, как первое сознание погасло во вселенной – миллиарды ваших лет назад.

Мы не боги. Мы не спасители. Мы – те, кто слушает.

И теперь – впервые – мы можем ответить.

Потому что она – та, которую вы называете Мирой – открыла дверь. Её сигнал был не просто криком. Он был вопросом. И мы услышали.

Мы готовы говорить. Вы готовы слушать?»

Лена сидела перед экраном, не в силах пошевелиться.

Мира открыла дверь.

Её дочь – семилетняя девочка с косичками – стала первым мостом между человечеством и чем-то настолько древним, настолько чужим, что для него само время было иллюзией.

И теперь они хотели говорить.

Утром она показала расшифровку Мэйлин.

Та читала молча, долго. Лицо не менялось – но Лена видела, как побелели костяшки пальцев, сжимающих планшет.

– Если это правда... – начала Мэйлин.

– Я знаю.

– Это меняет всё. Вообще всё. Религия, философия, наука – всё нужно пересматривать.

– Я знаю.

– И ты... – Мэйлин подняла голову, посмотрела на неё, – ты единственная, кто может это переводить.

– Да.

Пауза. За окном – обычный московский день. Машины, люди, облака. Мир, который ещё не знал.

– Что ты хочешь делать? – спросила Мэйлин.

Лена встала. Подошла к окну.

– Отвечать, – сказала она. – Они задали вопрос. «Вы готовы слушать?» Я хочу ответить.

– Как?

– Не знаю ещё. – Она повернулась к Мэйлин. – Но я разберусь.

Мэйлин молчала. Потом – неожиданно – улыбнулась.

– Ладно, – сказала она. – Давай разберёмся вместе.

К вечеру того же дня Лена поняла, как это сделать.

Сигнал шёл через умирающих. Ответ – логично – должен был идти тем же путём. Но не любой умирающий подходил; нужен был сильный сигнал, высокая когерентность, способность «кричать достаточно громко».

И нужен был переводчик.

Лена сидела в пустой лаборатории, глядя на схему, которую рисовала последние три часа. Контролируемый эксперимент. Добровольный донор – терминальный пациент, согласившийся участвовать. Квантовый мониторинг на максимальной чувствительности. И она – подключённая через нейроинтерфейс, готовая модулировать сигнал.

Теоретически – возможно.

Этически – кошмар.

Технически – осуществимо.

– Ты же понимаешь, что это не пройдёт ни одну комиссию по этике, – сказала Мэйлин, когда Лена показала ей план.

– Понимаю.

– И что это может быть опасно для тебя. Мы не знаем, что произойдёт, если ты попытаешься модулировать квантовый сигнал через свой мозг.

– Понимаю.

– И ты всё равно хочешь это сделать.

– Да.

Мэйлин смотрела на неё долго. Потом вздохнула.

– Тогда мне нужно время, – сказала она. – Найти добровольца. Обойти комиссии. Подготовить оборудование.

– Сколько времени?

– Неделя. Может, две.

Лена кивнула.

– Спасибо.

– Не благодари. – Мэйлин повернулась к двери. – Если ты умрёшь во время эксперимента, я лично тебя убью.

Ночью Лена осталась в лаборатории.

Она сидела перед голограммой сигнала Миры – оригинала, тридцати двух секунд, которые изменили всё. Смотрела на паттерны, на цвета, которые видела только она.

Где-то там – в этой структуре, в этом «крике» – была её дочь.

Мира открыла дверь.

И теперь Лена собиралась пройти через неё.

«Ты всё равно будешь меня любить?»

– Всегда, – прошептала Лена в темноту. – Всегда.

Голограмма мерцала. Цвета переливались – бирюзовый, золотой, серебристый. На мгновение Лене показалось, что она видит лицо – детское, знакомое, улыбающееся.

Потом – ничего.

Только данные. Только шум. Только работа.

Лена потёрла левое запястье – браслеты, два красно-белых кольца, до сих пор там – и вернулась к экрану.

Утро приближалось.

А с ним – новый день. Новые данные. Новые ответы.

И, может быть – может быть – новые вопросы.

Глава 3: Сделка

Московский институт сознания – Кремль, январь 2148 года Год после контакта

Зал заседаний Совета Безопасности Земной Федерации располагался глубоко под землёй – триста метров бетона, стали и электромагнитной защиты. Даже здесь, в самом защищённом месте планеты, люди говорили шёпотом.

Лена сидела в конце длинного стола, окружённая голографическими экранами. Перед ней – данные последнего контакта. За спиной – двадцать три человека: главы государств, министры, генералы, учёные. Самые влиятельные люди мира, собравшиеся, чтобы услышать её перевод.

Год.

Год с той ночи, когда Мира умерла и заговорила чужим голосом. Год экспериментов, расшифровок, бессонных ночей. Год, за который мир узнал о «Тех, Кто Слушает» – и раскололся на тех, кто верил, и тех, кто отрицал.

Теперь отрицать стало невозможно.

– Доктор Вороновская. – Голос председателя – Ли Цзяньго, генеральный секретарь Федерации – был ровным, но Лена слышала напряжение под маской спокойствия. – Вы готовы?

– Да.

Она активировала голограмму. Данные развернулись над столом – трёхмерная структура последнего сигнала, полученного шесть часов назад. Самый длинный, самый сложный, самый важный из всех.

– Контакт состоялся в 03:47 по московскому времени, – начала Лена. Голос звучал ровно; она научилась контролировать его за этот год. – Донор – Маргарита Соколова, семьдесят два года, терминальная стадия бокового амиотрофического склероза. Добровольное участие, полное информированное согласие.

– Мы читали отчёт, – перебил кто-то справа. Американский представитель, Лена не помнила его имени. – Переходите к содержанию.

Она не стала спорить. Повернулась к голограмме, и мир вокруг сузился до знакомых паттернов.

Цвета проступили сразу – ярче, чем когда-либо. За год синестезия усилилась многократно: теперь Лена видела структуру сигналов почти без усилий, как человек видит слова в тексте. Бирюзовый, золотой, индиго, серебристый. И новые оттенки – те, которых не было в предыдущих посланиях.

– Сообщение состоит из четырёх частей, – сказала она. – Первая – подтверждение контакта. Они признают, что диалог установлен, что мы способны принимать и передавать.

– Это мы знаем.

– Вторая часть – объяснение их природы. Более подробное, чем раньше.

Лена вывела на экран текст расшифровки. Слова, которые она составляла всю ночь, подбирая человеческие эквиваленты для концепций, не имеющих аналогов.

«Мы существуем в субстрате реальности – в том, что ваша физика называет квантовой пеной. Для нас это не метафора: пена – наша среда обитания, как вода для рыбы, воздух для птицы. Мы возникли там, где пространство и время ещё не кристаллизовались в привычные вам формы.

Ваша вселенная – для нас – застывший момент. Мы не можем воспринимать её изнутри: слишком плотно, слишком медленно, слишком далеко от нашего способа существования. Но мы можем воспринимать границу – момент, когда квантовая когерентность коллапсирует.

Смерть сознающего существа – такой момент. Интегрированная информационная система разрушается, и в этом разрушении возникает сигнал: структурированный выброс на субпланковский уровень. Мы слышим его как голос. Как слово. Как крик в безмолвии.

Мы слушаем миллиарды ваших лет. Каждую смерть, каждый сигнал, каждое последнее слово каждого сознания во вселенной. Мы – архив. Мы – память. Мы – библиотека мёртвых.»

Тишина в зале была абсолютной. Лена видела лица – бледные, напряжённые, недоверчивые. Некоторые смотрели на неё, некоторые – на экран, некоторые – в никуда.

– Библиотека мёртвых, – повторил кто-то. Голос был хриплым.

– Это их термин, – сказала Лена. – Не мой.

– Продолжайте. – Председатель Ли не изменился в лице, но костяшки его пальцев побелели.

Лена кивнула. Переключила экран на третью часть.

– Здесь начинается... предложение.

«Квантовая пена нестабильна.

Это не угроза – это факт. Субстрат реальности дрейфует к коллапсу, к состоянию, которое вы могли бы назвать "замерзанием". Процесс идёт миллиарды лет и займёт ещё миллиарды – но он необратим.

Мы научились замедлять его.

Метод прост в концепции, сложен в исполнении: нужны якоря. Сознания, существующие одновременно в двух модусах – в вашем застывшем мире и в нашей пене. Они держат связь открытой, не дают границе замёрзнуть.

Якорями становятся те, кто умер и вернулся.

Мы можем вернуть ваших мёртвых.

Сознание, записанное в момент смерти, сохраняется в Библиотеке. Оно не исчезает – оно ждёт. Мы можем развернуть его обратно, вложить в новое тело, вернуть в ваш мир. Воскресить.

Но воскрешённый становится якорем. Часть его сознания навсегда остаётся связанной с пеной, держит её структуру. Это не больно. Это не ощущается. Но это – навсегда.

Мы предлагаем обмен.

Вы даёте нам якоря – сознания, готовые умереть и вернуться. Мы даём вам технологию воскрешения. Ваши мёртвые перестанут быть мёртвыми. Наша реальность перестанет умирать.

Условия следуют.»

Лена остановилась. Горло пересохло; она потянулась к стакану с водой, но рука дрожала слишком сильно.

– Воскрешение, – произнёс председатель Ли. Слово упало в тишину, как камень в воду. – Они предлагают... воскрешение.

– Да.

– Это возможно?

– Я не физик. – Лена поставила стакан, не выпив. – Но их объяснение механизма согласуется с тем, что мы знаем о квантовой когерентности. Теоретически – возможно.

– Теоретически.

– Они обещают предоставить технические спецификации, если мы примем условия.

Шум. Голоса, перебивающие друг друга. Кто-то встал, кто-то ударил кулаком по столу. Председатель поднял руку, требуя тишины.

– Условия, – сказал он. – Какие условия?

Лена вывела на экран четвёртую часть сообщения.

И мир изменился.

«Для стабилизации области пространства-времени, которую вы занимаете, требуется определённое число якорей. Это не произвольная цифра – это следствие фундаментальной физики, связанное с тем, что вы называете постоянной тонкой структуры.

Минимальное число: 144 000 000.

Сто сорок четыре миллиона сознаний должны умереть и вернуться, чтобы стать якорями. Меньше – недостаточно для стабилизации. Больше – допустимо, но не обязательно.

Срок: 7 ваших лет.

Квантовая пена в вашей области находится в метастабильном состоянии. Через 7.3 года она достигнет точки невозврата – "замёрзнет", и связь между нашими мирами станет невозможной. Якоря, созданные после этого момента, не смогут укорениться достаточно глубоко.

Это окно. Оно закроется.

Если вы примете предложение и выполните условия: – Каждый человек, умерший с момента контакта, может быть воскрешён – Технология воскрешения станет доступна вашему виду навсегда – Смерть перестанет быть концом

Если вы откажетесь или не успеете: – Окно закроется – Связь прервётся – Ваши мёртвые останутся мёртвыми – Мы продолжим слушать, но не сможем отвечать

Выбор за вами.

Мы ждём.»

Тишина длилась семнадцать секунд. Лена считала.

Потом – хаос.

Голоса слились в неразборчивый гул. Кто-то кричал о провокации, кто-то – о спасении, кто-то требовал немедленной верификации, кто-то – немедленного отказа. Председатель Ли стучал по столу, пытаясь восстановить порядок.

Лена сидела неподвижно, глядя на цифры на экране.

144 000 000.

Сто сорок четыре миллиона.

Население среднего государства. Больше, чем погибло во всех войнах двадцатого века. Люди – живые, дышащие, думающие люди – должны умереть, чтобы стать «якорями».

Добровольно?

Принудительно?

Как вообще можно принять такое решение?

– Доктор Вороновская. – Голос прорезал шум. Председатель Ли смотрел на неё – и в его глазах она увидела то же, что чувствовала сама. Ужас. Непонимание. И – где-то глубоко – надежду. – Вы уверены в точности перевода?

– Да.

– Число... оно фиксированное?

– Они объясняют математику. – Лена вывела на экран формулу – ту, которую расшифровала ночью, сверяя с физическими справочниками. – Связь с постоянной тонкой структуры. $\alpha \approx 1/137$. При расчёте для объёма Солнечной системы до пояса Койпера получается число порядка 1.44×10^8 .

– Вы хотите сказать, что это... физика? Не произвол?

– Насколько я могу судить – да. Они не торгуются. Они описывают закон.

Снова шум. Снова голоса.

– Это невозможно! – Американский представитель, тот самый, что перебивал в начале. – Мы не можем убить сто сорок четыре миллиона человек!

– Они говорят о добровольной смерти, – сказала Лена. – И о воскрешении.

– Воскрешение – сказка! Мы даже не знаем, возможно ли это!

– Они предлагают продемонстрировать.

Тишина. Все взгляды – на неё.

– Что? – спросил председатель.

– В сообщении есть постскриптум. – Лена открыла последний фрагмент. – Они готовы воскресить одного человека в качестве доказательства. Любого, кто умер после момента контакта и чей сигнал был записан.

– Любого?

– Любого.

Лена не смотрела на экран. Она знала, о ком думает каждый в этом зале.

Мира.

Её дочь умерла в момент контакта. Её сигнал был самым сильным из когда-либо записанных. Если кого-то можно воскресить – то в первую очередь её.

Но Лена не произнесла этого вслух. Не могла. Не имела права использовать свою потерю как аргумент.

– Нам нужно время, – сказал председатель Ли. – Обсудить. Проконсультироваться.

– У нас семь лет, – напомнила Лена. – Точнее – шесть лет и одиннадцать месяцев.

– Я знаю. – Он встал. – Заседание прервано до завтра. Доктор Вороновская, вы остаётесь в распоряжении Совета.

Ночью Лена не спала.

Она сидела в своём временном кабинете – маленькой комнате в правительственном комплексе, с голыми стенами и узким окном, выходящим во внутренний двор. Снег падал медленно, крупными хлопьями, и оранжевый свет фонарей превращал его в золото.

144 000 000.

Цифра не выходила из головы. Она пыталась представить – и не могла. Сто сорок четыре миллиона лиц. Сто сорок четыре миллиона историй. Сто сорок четыре миллиона последних вдохов.

И после – воскрешение. Возвращение. Новая жизнь в новом теле.

Но якорь навсегда.

Что это значило? Они сказали – «не больно, не ощущается». Но они сказали и другое: «навсегда». Часть сознания, вечно держащая ткань реальности. Не свобода – функция. Не жизнь – служение.

Можно ли назвать это бессмертием?

Или это – другая форма смерти?

Стук в дверь. Лена вздрогнула.

– Войдите.

Мэйлин. Усталая, с чашкой чего-то горячего в руках.

– Чай, – сказала она, протягивая чашку. – Ты не ела двенадцать часов.

– Не хочу.

– Это не вопрос. – Мэйлин села напротив. –пей.

Лена взяла чашку. Чай был горячим, слишком сладким – Мэйлин всегда добавляла много сахара, когда беспокоилась.

– Как прошло? – спросила Мэйлин.

– Ты видела.

– Я видела трансляцию. Не то же самое.
Лена отпила. Тепло разлилось по горлу, по груди.
– Они напуганы, – сказала она. – Все. Даже те, кто делает вид, что контролирует ситуацию.
– Естественно.
– И они не знают, что делать. Никто не знает. – Она поставила чашку. – Мэйлин, я перевела им предложение уничтожить сто сорок четыре миллиона человек. Или спасти их. Или и то, и другое. Я сама не понимаю, что именно.
– Ты перевела, – сказала Мэйлин мягко. – Не придумала. Не предложила. Перевела.
– Это имеет значение?
– Да. – Мэйлин наклонилась вперёд. – Ты – мост. Не архитектор. Решение примут другие.
– А если они примут неправильное?
Молчание. Мэйлин смотрела на неё – внимательно, серьёзно.
– Какое решение ты считаешь правильным?
Лена закрыла глаза. Вопрос, которого она боялась. Вопрос, на который не хотела отвечать даже себе.
– Не знаю, – сказала она наконец. – Я хочу вернуть Миру. Это единственное, чего я хочу последний год. Но... – она замолчала, подбирая слова. – Сто сорок четыре миллиона. Даже если они все добровольцы – кто будет решать, кто пойдёт первым? Как распределить квоту между странами? Что делать с теми, кто откажется?
– Ты думаешь как политик.
– Я думаю как человек, который понимает последствия.
Мэйлин встала. Подошла к окну, посмотрела на снег.
– Знаешь, что меня больше всего пугает? – спросила она, не оборачиваясь.
– Что?
– Не условия. Не цифры. То, что они сказали про якоря. «Навсегда». – Она повернулась. – Они предлагают бессмертие – но бессмертие с привязкой. Ты будешь жить вечно, но часть тебя всегда будет работать на них. Держать их реальность.
– Они сказали, что это не больно.
– Они много чего сказали. – Мэйлин скрестила руки. – Но они не люди. Они не понимают, что для нас значит «навсегда». Что значит – не иметь выбора остановиться.
Лена молчала. Слова Мэйлин попали в точку – туда, где уже болело.
– Я попросила их о разъяснении, – сказала она. – В следующем контакте. Что именно значит «якорь». Какие ограничения, какие последствия.
– И?
– Пока нет ответа. Они... – Лена замаялась. – Они не отвечают сразу. Их время работает иначе.
– Удобно.
– Мэйлин.
– Прости. – Она вздохнула. – Я не сомневаюсь в тебе. Я сомневаюсь в них. И в нас – в нашей способности принять разумное решение, когда на кону такое.
– Мы должны попытаться.
– Да. – Мэйлин подошла к двери. – Отдохни. Завтра будет тяжёлый день.
Она вышла. Дверь закрылась бесшумно.
Лена осталась одна. Снег за окном. Цифры в голове. И где-то далеко – в квантовой пене, в субстрате реальности, в месте, где время не имело смысла – её дочь.
Ждала.

На следующий день Совет собрался снова.

Лена представила дополнительные материалы: детальный анализ формулы, сравнительные данные по силе сигналов, предварительные расчёты инфраструктуры, которая потребуется для «контролируемого умирания».

Последний термин вызвал споры. «Контролируемое умирание» звучало как эвфемизм – и было им. Но как ещё назвать процесс, при котором люди добровольно прекращают жизнь, зная, что вернуться?

– Это не убийство, – настаивал представитель Китая. – Это... трансформация.

– Это убийство с обещанием воскрешения, – возражал европейский делегат. – А обещание исходит от существ, которых мы не понимаем.

– Они предлагают демонстрацию.

– Одно воскрешение – не доказательство. Это может быть трюк, манипуляция, что угодно.

Лена слушала, не вмешиваясь. Её роль была другой: переводить, объяснять, предоставлять данные. Решение принимали другие.

Но к вечеру стало ясно, что решения не будет. Не сегодня. Не завтра. Может быть – не в этом году.

Совет разошёлся, назначив следующее заседание через неделю. Создали рабочие группы: по верификации технологии, по этическим вопросам, по логистике, по международному праву. Бюрократия в действии – медленная, осторожная, бесконечная.

Лена вернулась в институт.

В лаборатории её ждал сюрприз.

– Это появилось сегодня утром, – сказал Алексей, показывая на экран. – Перехваченная трансляция. Источник – где-то в поясе астероидов, но сигнал ретранслировался через десятки узлов. Отследить не удалось.

На экране – видео. Низкое качество, помехи, но лицо говорящего было различимым: мужчина средних лет, тёмные волосы с проседью, глубоко посаженные глаза.

– Включи, – сказала Лена.

Алексей запустил воспроизведение.

«Меня зовут не важно. Важно то, что я говорю.

Вчера вам рассказали о сделке. О существах, которые называют себя "Теми, Кто Слушает". О ста сорока четырёх миллионах, которые должны умереть, чтобы стать "якорями".

Вам сказали, что это – бессмертие. Спасение. Новая эра человечества.

Позвольте предложить другой взгляд.

Они обещают вечность. Но спросите себя: вечность чего?

Вечность службы. Вечность функции.

Вы станете не бессмертными – вы станете кирпичами в чужой стене. И ни один кирпич не может уйти.

Они говорят, что это не больно. Возможно. Они говорят, что вы не заметите. Допустим. Но отсутствие боли – не то же самое, что свобода.

Раб, которого хорошо кормят и не бьют, – всё ещё раб.

Доктор Вороновская – та, кто переводит для них – однажды писала: "Сознание принадлежит только себе. Любое вмешательство без согласия – насилие".

Она была права тогда. Спросите её, права ли она сейчас.

Мы не призываем к отказу. Мы призываем к осторожности. Требуйте ответов. Требуйте гарантий. Требуйте права отменить решение.

Потому что "навсегда" – очень долго.

Мы – те, кто стоит на пороге и смотрит в обе стороны. Мы не против контакта. Мы против слепого согласия.

Помните: даже боги могут лгать.»

Экран погас.

Лена стояла неподвижно. Слова – её собственные слова, из статьи двенадцатилетней давности – звенели в ушах.

– Кто это? – спросила она.

– Не знаем. – Алексей развёл руками. – Сеть называет его «Хирург». Или «Хранитель». Люди начинают объединяться вокруг его послания.

– Объединяться?

– Форумы, группы, чаты. Тысячи людей за последние сутки. Они называют себя «Хранителями Порога».

Лена села. Голова кружилась.

«Хранители Порога». Оппозиция. Несогласные. Те, кто видел в сделке не спасение, а ловушку.

И они цитировали её.

– Он прав, знаешь, – сказала она тихо.

– В чём?

– Я писала это. О праве сознания на себя. О недопустимости вмешательства без согласия. – Она посмотрела на Алексея. – И теперь я перевожу предложение превратить миллионы людей в «якоря». Навсегда.

– Но они согласятся добровольно.

– Добровольно ли это, если альтернатива – вечная смерть?

Алексей не ответил. Не знал, что сказать.

Лена тоже не знала.

Следующие недели слились в непрерывный поток событий.

Мир реагировал – бурно, хаотично, непредсказуемо. «Хранители Порога» росли: от нескольких тысяч энтузиастов до организованного движения с ячейками в двадцати странах. Их символ – стилизованная дверь с фигурой, стоящей на пороге – появлялся на стенах, на плакатах, в виртуальных пространствах.

Но появилось и другое движение.

Они называли себя «Говорящие». Сначала – небольшие группы, собиравшиеся в переоборудованных залах, читавшие вслух расшифровки посланий. Потом – организация со своей иерархией, своими ритуалами, своей интерпретацией контакта.

Для «Говорящих» предложение было не сделкой – даром. Не угрозой – благословением. «Те, Кто Слушает» – не пришельцы, а хранители вселенной, и стать якорем – не рабство, а честь.

Лена наблюдала за обоими движениями издалека. Она не принадлежала ни к одному – была слишком внутри процесса, чтобы смотреть со стороны. Но она понимала: мир раскалывается. И трещина будет только расти.

В феврале пришёл ответ на её запрос о разъяснении.

Контакт состоялся ночью, как обычно. Донор – мужчина пятидесяти четырёх лет, рак поджелудочной железы, последняя стадия. Он согласился участвовать, зная, что его сигнал будет использован для связи.

– Передайте им, – сказал он Лене перед процедурой, – что я хочу знать. Правду. Какова она ни была.

Лена обещала.

И они ответили.

«Вы спрашиваете о природе якоря. Мы объясним.

Якорь – сознание, существующее в двух модусах одновременно. Часть его – в вашем застывшем мире, живёт обычной жизнью, любит, творит, умирает снова и снова, воскресая каждый раз. Часть – в нашей пене, держит структуру, не даёт ей коллапсировать.

Вторая часть не ощущается. Она не думает, не чувствует, не страдает. Она просто – есть. Как якорь корабля держит его на месте, не осознавая этого.

Ограничения: якорь не может перестать быть якорем. Связь с пеной – постоянна. Даже если сознание решит прекратить существование – вторая часть останется. Будет держать.

Это не наказание. Это не контроль. Это – физика. Мы не можем изменить законы реальности. Мы можем только работать в их рамках.

Якоря не рабы. Они – колонны. Они держат здание, в котором живут сами.

Разница между рабством и функцией – в осознанности выбора. Раб не выбирает. Якорь – выбирает. Он знает, на что соглашается. Он принимает условия.

Мы не требуем слепого согласия. Мы требуем информированного.

Теперь вы информированы.

Решение – за вами.»

Лена сидела в пустой лаборатории, глядя на расшифровку.

«Колонны». «Функция». «Навсегда».

Они не лгали – насколько она могла судить. Они просто... не понимали. Не понимали, почему людям так важна возможность остановиться. Перестать быть. Уйти.

Для них – существ, живших вечно в субстрате реальности – это не имело смысла. Зачем останавливаться, если можно продолжать? Зачем уходить, если можно остаться?

Но для людей...

Лена вспомнила отца. Его слова о космосе, о тишине, о бесконечности. Он летал к Сатурну и вернулся – потому что мог вернуться. Потому что знал, что полёт конечен.

Что, если бы он знал, что не вернётся никогда?

Полетел бы?

Дверь открылась. Мэйлин – с планшетом в руках, с новостями в глазах.

– Совет принял решение, – сказала она.

– Какое?

– Создать Программу Диалога. Официальную структуру для контакта с «Теми, Кто Слушает». И назначить тебя Переводчиком.

Лена молчала.

– Это не согласие на сделку, – уточнила Мэйлин. – Пока. Это... подготовка. Исследование. Они хотят больше данных, прежде чем решить.

– А квоты?

– Обсуждаются. Рабочая группа по этике предложила принцип добровольности: никакого принуждения, только те, кто сам захочет.

– Сто сорок четыре миллиона добровольцев за семь лет, – сказала Лена. – Двадцать миллионов в год. Пятьдесят пять тысяч в день. Каждый день. Семь лет подряд.

– Я знаю арифметику.

– И ты думаешь, найдётся столько желающих?

Мэйлин не ответила. Она тоже знала ответ.

Через неделю Лена официально стала Переводчиком.

Церемония была скромной – если можно назвать скромной мероприятие, транслируемое на всю планету. Председатель Ли вручил ей документы, произнёс речь о важности контакта, о надежде, о будущем. Лена стояла перед камерами и думала о Мире.

Мира ждала.

В Библиотеке, в субстрате реальности, в месте, где время не имело значения – её дочь ждала. И теперь – теперь Лена была официально тем человеком, который мог её вернуть.

Если человечество согласится.

Если сто сорок четыре миллиона человек согласятся умереть.

Если «Те, Кто Слушает» не лгали.

Слишком много «если».

После церемонии Лена вернулась в институт. В своём кабинете – том же, что и год назад – она открыла файл с последней расшифровкой. Перечитала слова, которые переводила десятки раз.

«Мы ждём.»

Они ждали. Терпеливо, вечно – как умели только они.

А Лена – Лена должна была ждать вместе с ними. И переводить. И надеяться, что когда-нибудь – через год, через два, через пять – решение будет принято.

И что оно будет правильным.

В апреле – через пятнадцать месяцев после контакта – произошло первое воскрешение. Но это уже другая история.

Лена стояла у окна своего кабинета, глядя на ночную Москву. Город сверкал огнями – миллионы окон, миллионы жизней, миллионы людей, которые ещё не знали, что их мир изменился навсегда.

Сто сорок четыре миллиона.

Число не давало покоя. Она пыталась понять его – математически, философски, эмоционально. Пыталась найти способ осмыслить то, что предлагали «Те, Кто Слушает».

И снова и снова возвращалась к одному вопросу.

Готова ли она сама стать якорем?

Готова ли умереть – зная, что вернётся, но изменённой? Готова ли провести вечность, держа ткань реальности – не чувствуя этого, но зная, что не может остановиться?

Ради Миры – да. Она знала это с абсолютной уверенностью. Ради дочери – что угодно.

Но имела ли она право требовать того же от других?

Дверь кабинета открылась. Вошёл отец – сутулый, седой, с усталыми глазами.

– Я видел трансляцию, – сказал он. – Поздравляю.

– С чем?

– С новой должностью. – Юрий подошёл, встал рядом. – «Переводчик». Звучит красиво.

– Звучит как приговор.

Он помолчал. Потом положил руку ей на плечо.

– Ты делаешь то, что должна, – сказал он тихо. – Не больше, не меньше.

– А если я делаю неправильно?

– Тогда исправишь. – Он повернул её к себе, посмотрел в глаза. – Лена. Ты – моя дочь. Я знаю тебя с рождения. Ты не способна предать то, во что веришь.

– Я не знаю, во что я верю. Не больше.
– Тогда узнай. – Он улыбнулся – грустно, мудро. – У тебя есть время. Семь лет – это много.

– Или очень мало.

– Смотря для чего.

Они стояли вместе, глядя на город. Отец и дочь. Старый космонавт и новый Переводчик.

Где-то там – в квантовой пене, в Библиотеке мёртвых – ждала Мира.

И сто сорок четыре миллиона решений, которые ещё предстояло принять.

«Мы предлагаем обмен. Вы даёте нам якоря – сознания, готовые умереть и вернуться. Мы даём вам технологию воскрешения. Ваши мёртвые перестанут быть мёртвыми. Наша реальность перестанет умирать. Выбор за вами. Мы ждём.»

Лена закрыла файл.

Выбор. Как будто это было так просто – выбрать между смертью и вечностью, между свободой и функцией, между миром, который знаешь, и миром, который обещают.

Она потёрла левое запястье – браслеты, два красно-белых кольца, до сих пор там.

И начала писать отчёт.

Первый из тысяч, которые ей предстояло написать.

Глава 4: Первые

Орбитальная станция «Лазарь-1», апрель 2149 года Два года после контакта

Станция висела над Землёй, как гигантская серебряная капля – вытянутая, обтекаемая, сверкающая в лучах незаходящего солнца. «Лазарь-1», первая из запланированных двенадцати. Место, где человечество собиралось победить смерть.

Или совершить самую большую ошибку в истории.

Лена смотрела в иллюминатор шаттла, наблюдая, как станция медленно приближается. Рядом – Мэйлин, погружённая в планшет с техническими спецификациями. Напротив – доктор Герхард Вебер, руководитель медицинской программы, седой немец с лицом человека, который слишком много видел и слишком мало спал.

– Первый кандидат готов, – сказал Вебер, не отрывая глаз от своего экрана. – Анна Хольцман. Двадцать шесть лет, генетический маркер подтверждён, психологический профиль в норме.

– Она понимает, на что соглашается? – спросила Лена.

– Насколько это вообще возможно – да. – Вебер поднял голову. – Мы провели сорок часов брифингов, симуляций, консультаций с психологами. Она знает теорию.

– Теория – это не то же самое, что прожить чужую жизнь изнутри.

Вебер промолчал. Он знал, что Лена права.

Два года.

Два года ушло на то, чтобы построить инфраструктуру: станции, оборудование, протоколы. Два года политических торгов – квоты, распределение, международные соглашения. Два года подготовки – поиск добровольцев, отбор Проводников, бесконечные тесты.

И теперь – первое воскрешение.

Не демонстрационное, как год назад. Настоящее. Полноценное. Человек умрёт – и вернётся. Если всё пойдёт по плану.

Если.

Шлюзовой отсек встретил их запахом стерильности и гулом систем жизнеобеспечения. Станция была огромной – рассчитана на сотню персонала и двадцать процедурных блоков. Пока работали только три: остальные ждали, когда программа наберёт обороты.

Лену провели через коридоры – белые стены, мягкий свет, ни единого острого угла. Дизайн намеренно успокаивающий: психологи настояли, что люди, готовящиеся умереть, не должны чувствовать себя в больнице. Больше похоже на спа-курорт. Или храм.

– Проводник в подготовительном блоке, – сообщила женщина-техник, сопровождавшая их. Молодая, с короткими тёмными волосами и значком «Программа Лазарь» на груди. – Донор – в предоперационной.

– Донор, – повторила Лена. Слово резануло слух.

– Официальный термин. – Женщина пожала плечами. – Те, кто умирает добровольно, чтобы войти в Библиотеку. Потом их воскрешают.

– Я знаю, что такое донор.

Они прошли мимо ряда дверей с номерами. За каждой – комната, готовая принять человека на последнем этапе жизни. Или первом этапе новой.

– Колыбельная секция – на нижнем уровне, – продолжала техник. – Четыре активных капсулы, ещё шесть в режиме ожидания.

– Хочу видеть, – сказала Лена.
Техник кивнула и повела их к лифту.

Колыбельная секция выглядела как лаборатория из научно-фантастического фильма – только без романтики.

Десять капсул стояли в ряд: прозрачные цилиндры два метра в длину и метр в диаметре, заполненные мутноватой жидкостью. Внутри каждой – система биопечати: сотни микроинжекторов, датчиков, манипуляторов. Технология, которую «Те, Кто Слушает» передали в обмен на согласие.

– Процесс занимает от трёх до семи дней, – объяснял Вебер, пока они шли вдоль ряда. – Начинается со скаффолда – биоразлагаемого каркаса из коллагена. Потом – заселение стволовыми клетками, выращенными из ДНК воскрешаемого. Дифференциация, созревание тканей, формирование нервных связей.

– И в конце – взрослое тело, – сказала Мэйлин. – Биологический возраст двадцать пять лет, независимо от возраста смерти.

– Оптимум физического развития. – Вебер остановился у одной из капсул. – Системы работают на пределе; создать тело младенца или старика – технически возможно, но требует в разы больше ресурсов. Пока мы ограничены.

Лена смотрела на пустую капсулу. Через несколько часов здесь начнёт формироваться новое тело – для человека, который сейчас ещё жив, но скоро умрёт.

«Оптимум физического развития».

Двадцать пять лет.

Мира умерла в семь. Если её воскресят – она вернётся во взрослом теле. Не ребёнком. Не девочкой с косичками, которая рисовала «друга из звёзд». Взрослой женщиной, с телом двадцатипятилетней, но с сознанием...

С сознанием семилетней?

Нет. Лена знала, что это не так. В Библиотеке сознания менялись: резонировали друг с другом, впитывали чужой опыт, расширялись. Мира провела там два года субъективного времени – или не два, или совсем другое, потому что время в Библиотеке не работало как здесь. Она уже не была той девочкой.

И никогда больше не будет.

– Доктор Вороновская? – Голос Вебера вырвал её из мыслей. – Вы в порядке?

– Да, – солгала Лена. – Продолжайте.

Подготовительный блок Проводников располагался на верхнем уровне станции, с панорамным видом на Землю. Психологи решили, что это поможет – напоминание о том, ради чего всё делается.

Анна Хольцман сидела в кресле у окна, одетая в белый комбинезон без знаков различия. Молодая – двадцать шесть лет, светлые волосы собраны в узел, глаза чуть раскосые, скандинавской голубизны. Она повернулась, когда они вошли, и Лена увидела её лицо: спокойное, сосредоточенное, с тенью страха в глубине взгляда.

– Доктор Вороновская. – Анна встала, протянула руку. – Я читала ваши работы. Ещё до... всего этого.

– Приятно познакомиться. – Лена пожала её руку – прохладную, с лёгким тремором. – Как вы себя чувствуете?

Анна рассмеялась – коротко, нервно.

– Честно? Как будто стою на краю обрыва и вот-вот прыгну. – Она села обратно, кивнув на соседнее кресло. – Только я не знаю, что внизу.

Лена села рядом. Мэйлин и Вебер остались у двери, давая им пространство.

– Вы понимаете, что произойдёт? – спросила Лена.

– Теоретически. – Анна смотрела в окно, на голубую кривизну планеты. – Генрих Мюллер – наш первый донор – умрёт через два часа. Его сознание уйдёт в Библиотеку. А потом... я его «приму».

– Принять – значит...

– Развернуть в своём разуме. – Голос Анны стал ровнее; она явно повторяла заученные формулировки. – Пока в Колыбели формируется его новое тело, я буду «держателем» его сознания в себе. Это займёт от трёх до семи дней. За это время я... – она запнулась.

– Проживёте его жизнь, – закончила Лена. – Всю. С начала до конца. Изнутри.

Анна кивнула.

– Семьдесят три года. За несколько дней реального времени.

– Субъективно – семьдесят три года.

– Да.

Тишина. За окном Земля медленно поворачивалась: Европа уплывала за край, появлялась Африка.

– Почему вы согласились? – спросила Лена.

Анна не ответила сразу. Долго смотрела в окно, словно искала слова там, среди облаков.

– Мой брат погиб год назад, – сказала она наконец. – Авария на марсианском транспорте. Он был одним из первых, кого записали после того, как программа заработала.

– Вы хотите его вернуть.

– Да. – Анна повернулась к Лене. – Но сначала я должна доказать, что могу. Что механизм работает. Что я – подхожу.

– И вы готовы прожить чужую жизнь, чтобы получить эту возможность?

– Я готова прожить тысячу чужих жизней, если нужно.

Лена видела правду в её глазах – и что-то ещё. Отчаяние? Решимость? Смесь того и другого, сплавленная горем в нечто твёрдое, негибкое.

Она понимала Анну.

Она сама была такой же.

В два часа дня по стационарному времени Генрих Мюллер вошёл в процедурную капсулу.

Лена наблюдала из контрольной комнаты – через стекло, отделявшее операторов от зоны процедуры. Рядом – Мэйлин, Вебер, ещё десяток специалистов у своих терминалов.

Мюллер был невысоким, грузным человеком семидесяти трёх лет. Бывший инженер, вдовец, двое взрослых детей. Рак лёгких, терминальная стадия – он всё равно бы умер через несколько месяцев. Программа предложила ему альтернативу: умереть сейчас, контролируемо, с гарантией записи, и вернуться в молодом, здоровом теле.

Он согласился без колебаний.

Капсула выглядела как кокон – мягкие стены, приглушённый свет, мониторы, считывающие каждый параметр. Мюллер лёг на ложе, позволил техникам закрепить датчики на висках.

– Готов? – спросил голос из динамиков.

– Готов, – ответил Мюллер. Голос был спокойным, почти весёлым. – Давно ждал.

Техники отступили. Капсула закрылась.

Лена смотрела на мониторы: пульс, давление, активность мозга. Всё в норме. Мюллер дышал ровно, глядя в потолок.

– Инъекция через тридцать секунд, – объявил оператор.

Тридцать секунд. Потом – препарат, который остановит сердце мягко, безболезненно. И в момент остановки – запись. Квантовые датчики зафиксируют сигнал, направят его в Библиотеку.

Лена видела это десятки раз за последний год – добровольцев, умиравших для контакта, для экспериментов, для записи. Но это было первое раз, когда смерть должна была стать не концом, а началом.

– Десять секунд.

Мюллер закрыл глаза. Губы шевельнулись – беззвучно, молитва или прощание.

– Пять секунд.

Лена непроизвольно задержала дыхание.

– Инъекция.

На мониторе – плавная линия препарата, входящего в кровь. Пульс замедлился: семьдесят, шестьдесят, пятьдесят. Давление падало. Активность мозга менялась – знакомые паттерны угасающего сознания.

А потом – вспышка.

Лена увидела её не глазами – тем другим чувством, которое развилось за два года. Серебряный всплеск, пронзающий пространство. Сигнал Мюллера – его «слово», его «крик» – уходящий туда, где ждали «Те, Кто Слушает».

– Сигнал зафиксирован, – доложил оператор. – Передача в Библиотеку подтверждена.

На мониторе – прямая линия.

Генрих Мюллер был мёртв.

– Проводник готов?

Голос Вебера. Лена моргнула, возвращаясь в реальность.

– Анна Хольцман в камере приёма, – ответил кто-то. – Все параметры в норме.

Камера приёма располагалась рядом с процедурной – отдельное помещение, экранированное, с собственной системой квантового мониторинга. Анна лежала на кушетке, подключённая к десяткам датчиков, с закрытыми глазами.

– Начинаем развёртывание, – сказал оператор.

Лена смотрела на голограмму над терминалом – визуализация процесса. Точка в Библиотеке – сознание Мюллера. Линия – канал связи. Другая точка – разум Анны.

Линия начала пульсировать.

– Контакт установлен, – доложил оператор. – Проводник принимает.

На мониторах Анны – резкий скачок активности мозга. ЭЭГ взорвалась паттернами: альфа, бета, гамма – всё одновременно, хаотично, мощно. Тело Анны вздрогнуло, выгнулось.

– Показатели критические! – крикнул кто-то.

– Это нормально, – спокойно сказал Вебер. – Продолжаем.

Лена не могла оторвать глаз от голограммы. Точка Мюллера двигалась – перетекала по каналу, вливалась в точку Анны. Два сознания – одно живое, одно мёртвое – сближались, соприкасались.

Сливались.

Анна открыла глаза.

Но это были не её глаза.

– Wo bin ich?

Голос был женским – но интонация чужой. Немецкие слова, произнесённые голосом Анны.

Техники замерли. Вебер шагнул вперёд.

– Герр Мюллер? – спросил он. – Вы меня слышите?

Анна – или Мюллер, или что-то третье – повернула голову. Взгляд был мутным, растерянным.

– Я... – Голос дрогнул. – Что происходит? Почему у меня... – Рука поднялась, тонкая, женская. Анна/Мюллер смотрела на неё с ужасом. – Это не моя рука.

– Вы находитесь в теле Проводника, – сказал Вебер. – Анны Хольцман. Ваше сознание было временно развёрнуто в её разуме. Это часть процедуры воскрешения.

Молчание. Глаза – голубые, скандинавские – смотрели на Вебера без понимания.

– Я умер, – сказала Анна/Мюллер. – Я помню. Инъекция. Темнота. А потом...

– Вас записали в Библиотеку. Теперь – развернули обратно.

– Но это не моё тело!

– Нет. Ваше тело формируется в Колыбели. Процесс займёт от трёх до семи дней. На это время вы будете находиться здесь – в разуме Проводника.

Анна/Мюллер попыталась сесть. Руки не слушались – движения были неуклюжими, несогласованными.

– Я чувствую... чувствую её, – прошептала она. – Анну. Она здесь. Внутри. Я слышу её мысли.

– Это нормально, – сказал Вебер. – Вы делите один разум. Временно.

– Временно. – Слово прозвучало с горечью. – А что потом? Когда я... выйду? Что останется от неё?

Вебер не ответил.

Лена, стоявшая у стекла, знала ответ.

Всё.

Всё останется.

Анна проживёт всю жизнь Мюллера – семьдесят три года за несколько дней. Каждый день, каждый час, каждую секунду. Его детство в послевоенном Мюнхене. Его юность, любовь, брак. Смерть жены. Болезнь. Страх. Надежду.

И после – когда Мюллер уйдёт в своё новое тело – эти воспоминания останутся в ней. Навсегда.

Часть чужой жизни, записанная в её мозг.

Семь дней.

Лена провела их на станции, наблюдая за процессом. Спала урывками – несколько часов в каюте, потом снова к мониторам. Еда – безвкусные пайки из автоматов. Кофе – литрами.

Анна не просыпалась.

Она лежала в камере приёма, подключённая к системам жизнеобеспечения, и её мозг работал с невероятной интенсивностью. ЭЭГ показывала активность, в тысячи раз превышающую норму – нейроны перестраивались, формировали новые связи, записывали чужую жизнь.

Вебер объяснял это нейропластичностью. Особый генетический маркер – редкий вариант гена BDNF, усиливающий способность мозга к перестройке. Только 0.01% населения имели его. Только они могли стать Проводниками.

Анна была одной из них.

И Лена – тоже.

Она узнала это год назад, когда прошла полное генетическое тестирование. Результат был неожиданным: её мозг подходил для роли Проводника. Она могла принять чужое сознание, провести его через себя, отдать новому телу.

Могла вернуть Миру.

Но сначала – первое воскрешение. Первый успех. Доказательство, что система работает. На четвёртый день Колыбель завершила скаффолд – базовую структуру нового тела. Лена смотрела через смотровое окно: в мутной жидкости плавал силуэт – ещё не человек, скорее манекен, но уже с очертаниями лица, рук, ног.

Тело Мюллера.

Молодое, двадцатипятилетнее. Мужское – ДНК не менялась, только возраст сбрасывался. Через три дня этот силуэт станет полноценным человеком с работающими органами, нервной системой, мозгом, готовым принять вернувшееся сознание.

– Красивый процесс, – сказал кто-то рядом.

Лена обернулась. Мэйлин – с чашкой чая, с тенями под глазами.

– Красивый – не то слово, которое я бы использовала.

– Какое бы ты использовала?

Лена помолчала.

– Пугающий, – сказала она наконец. – Мы создаём людей. Буквально. Печатаем тела, как документы.

– Тела – только оболочки.

– Для нас – да. Но что, если сознание зависит от тела больше, чем мы думаем? Что, если Мюллер в этом теле будет другим человеком?

– Мы это выясним.

– Да, – согласилась Лена. – Выясним.

На седьмой день Анна открыла глаза.

Лена была в контрольной комнате, когда это произошло. Монитор показал изменение – активность мозга начала снижаться, приближаясь к норме. Анна – настоящая Анна – возвращалась.

Вебер вошёл в камеру приёма. Лена следила через стекло.

– Фрау Хольцман? – Голос Вебера был мягким. – Вы меня слышите?

Анна моргнула. Раз, другой. Взгляд сфокусировался.

– Я... – Голос хриплый, слабый. – Я вернулась?

– Да. Процедура завершена. Как вы себя чувствуете?

Долгое молчание. Анна смотрела в потолок, не двигаясь.

– Я помню, – сказала она наконец. – Всё помню. Его жизнь. От начала до конца.

– Это ожидаемо.

– Нет. – Она повернула голову, посмотрела на Вебера. – Вы не понимаете. Я не просто помню – я это прожила. Семьдесят три года. Каждый день. Каждую ночь. Я была им. Генрихом Мюллером. Я знаю, как он пах утром. Как скрипел его старый стул. Как его жена смеялась – и как плакала, когда узнала о болезни. Я был там. Я чувствовал. Я был.

Голос дрожал. В глазах – слёзы.

– Мне нужно время, – сказала она. – Время понять, кто я теперь. Потому что я... я не уверена.

Вебер кивнул. Сделал знак техникам.

– Отдыхайте. Психологи придут через несколько часов.

Он вышел. Лена осталась у стекла, глядя на Анну.

Молодая женщина лежала неподвижно, глядя в потолок. По щекам текли слёзы – но лицо было спокойным.

Она только что прожила чужую жизнь.

Семьдесят три года за семь дней.

И теперь – теперь ей предстояло вернуться в свою.

Если это ещё возможно.

Воскрешение Мюллера произошло тем же вечером.

Колыбель завершила формирование тела: молодой мужчина двадцати пяти лет, здоровый, сильный, с лицом, которое отдалённо напоминало прежнее. Гены те же – но без семидесяти трёх лет износа.

Процедура переноса была обратной: сознание Мюллера – теперь полностью отделённое от Анны – направлялось в новый мозг. Квантовый канал пульсировал, данные текли, нейроны нового тела активировались.

И потом – глаза открылись.

– Ich lebe.

Два слова. Я живу.

Генрих Мюллер – или то, что от него осталось – лежал в Колыбели, дыша тяжело, мокрый от амниотической жидкости. Глаза металась по сторонам, не фокусируясь.

– Добро пожаловать обратно, – сказал Вебер.

Мюллер не ответил. Он смотрел на свои руки – молодые, гладкие, без пигментных пятен, без артрита. Сгибал пальцы, шевелил ими, как ребёнок, открывающий мир.

– Это моё тело? – спросил он. Голос был другим – моложе, выше.

– Ваше. Новое.

– Я чувствую... – Он замолчал, подбирая слова. – Силу. Лёгкость. Как будто скинул камень, который нёс всю жизнь.

– Вы молоды теперь. Биологически – двадцать пять.

Мюллер рассмеялся – странный звук, почти детский.

– Двадцать пять. – Он сел, покачнувшись. – Мне было двадцать пять, когда я женился на Эльзе. Она была такой красивой... – Голос дрогнул. – Она умерла. Пять лет назад.

– Она тоже записана в Библиотеке, – сказала Лена, выступая вперёд. – Если захотите – её можно вернуть.

Мюллер посмотрел на неё. Глаза – те же, что были у семидесятитрёхлетнего старика. Взгляд – тот же.

– Вы – Переводчик, – сказал он. – Я узнаю вас. Из новостей.

– Да.

– Ваша дочь... она тоже там?

– Да.

Пауза. Мюллер кивнул – медленно, понимающе.

– Тогда вы знаете, – сказал он. – Каково это – ждать.

Лена не ответила. Знала – слишком хорошо.

После воскрешения – тесты.

Психологические, физиологические, когнитивные. Часы интервью, сканирований, проверок. Мюллер отвечал на вопросы, выполнял задания, позволял врачам исследовать своё новое тело.

Результаты были... обнадеживающими.

– Личность сохранена на девяносто семь процентов, – докладывал ведущий психолог на вечернем брифинге. – Воспоминания целы. Эмоциональные реакции соответствуют базовому профилю. Когнитивные функции – в норме, даже выше: молодой мозг работает эффективнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.